

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издательскій Домъ "Русскій Паломникъ": а/я -13, Москва, 127299, Россія.
Valaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

Годъ XLVII.

№ 33

2005 г.

Новый Валаамъ

СВЯТИТЕЛЬ АВЕРКИЙ (ТАУШЕВЪ), ЗЛАТОУСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.
(†1976)

НА ПЕРВОЙ ОБЛОЖКЪ: Свято-Михайловскій Скитъ, на подобіе Аѳонскихъ скитовъ,
построенъ въ 1985 г., на Еловомъ островѣ Преп. Германа его Братствомъ
*Къ 20-ти лѣтію построения скита, въ которомъ аскетическая жизнь,
въ духѣ Преп. Германа продолжается до сего дня*

Храбрость, Дерзновение и Святая Ревность АРХИЕПИСКОПЪ АВЕРКІЙ, НЕЗАМЪЧЕННЫЙ ПРАВЕДНИКЪ

КАКОЙ неизрѣченной радостью наполняется душа любящаго христианина при извѣщеніи о любви Праведникъ, носитель духа Любви Христовой, которая какъ бы освѣняетъ мрачный прозаичный міръ нашъ лирикой потусторонней реальности, оживляетъ силы, удрученныя борьбой за духовное существованіе и окрыляетъ надеждой на Побѣду Любви на грѣшной планетѣ нашей. Эту теплоту духа включать въ себя смиренный архипастырь Аверкій. Кто зналъ его лично, при одной мысли о немъ вдохновлялся тихой свѣтоносной радостью, что Св. Ревность есть досягаемая реальность и что были же люди, ея носившія въ себѣ и окрылявшія Ею соприкасавшихся съ ними.

Въ наше время надо усиленно хранить въ живыхъ сердцахъ сей огонекъ, сей даръ свыше посылаемый, и стараться, въ контекстѣ нелицемѣрной любви Христовой, зажигать другихъ, благодаря Бога за такихъ Ея носителей, каковымиъ былъ Владыка Аверкій. Родомъ изъ Казани и долготеленно скитавшійся въ эмиграціи, онъ жилъ Св. Русью, гдѣ бы не пребывалъ и вдохновлялъ Ею соприкасавшихся съ нимъ, особенно молодое поколѣніе. Оставилъ послѣ себя много писаній на красивомъ классическомъ русскомъ языкѣ, ревнителемъ котораго онъ всегда былъ. Но главное, хотя и не дожидя до освобожденія Руси отъ безбожнаго наслія, плѣнившаго ея, прекрасенъ былъ его тихій образъ Духоноса, оживляющаго своего "Житія иже во святыхъ преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Архіепископа Аверкія, Печальника за Святую Русь Многострадальца".

"Самое главное въ христіанствѣ, по ясному ученію Слова Божія, это - огонь Божественной ревности, ревности о Богѣ и Его славу - та Святая Ревность, которая одна только и способна воодушевить человека на труды и подвиги Богоустройства, и безъ коей нѣтъ и

Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желать бы, чтобы онъ уже возгорѣлся. Лк. 12, 49

подлинной жизни духовной - нѣтъ и не можетъ быть истиннаго христіанства. Безъ этой святой ревности христіане - только по имени "христіане"...

Живой и чрезвычайно яркій примѣръ такой огненной ревности о славу Божіей являетъ намъ еще въ глубинахъ вѣковъ Вѣтхаго Завета великій Пророкъ Божій пламенный Ілія, который скорбѣлъ душой, видя богоотступничество своего народа, во главѣ съ нечестивымъ царемъ Ахавомъ, введшимъ въ Израиль языческое служеніе Ваалу вмѣсто Бога истиннаго.

"Ревнуя поревновалъ по Господу Божь Вседержитель, - такъ неоднократно восклицалъ онъ, выражая свою скорбь, - яко оставиши Тя сынове Израилевы, и алтари Твоя раскопаша, и пророки Твоя оружіемъ избиша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея изыти ю" (3 Цар. 19:10).

И вотъ эта святая ревность побудила его, силою почитаеишей на немъ благодати Божіей, въ наказаніе отступившему отъ Бога Израилу "заключить небо" (3 Цар. 17:11; 18:42-45 и Іаковъ 5:17-18), такъ что не было ни дождя, ни росы "лѣта три и мѣсяць шесть".

Эта же ревность побудила затѣмъ Ілію заколоть ложныхъ пророковъ и жрецовъ Вааловыхъ, послѣ чудснаго ниспаденія огня съ неба на горы Кармилъ, дабы эти обманники не отвращали болѣе сыновъ Израилевыхъ отъ истиннаго Богопочитанія (3 Цар. 18:14).

Силою той же ревности Божіей Св. Ілія низвелъ огонь съ неба, который попалилъ посланныхъ царемъ схватить его пятидесятниковъ съ ихъ воинами (4 Цар. 1:9-14).

А то, что все это было дѣйствительно святая ревность, угодная Богу, засвидѣтельствовано тѣмъ, что Св. Пророкъ Ілія не умеръ обычной для вслахъ людей смертью, а былъ чудесно вознесенъ на небо на огненной колесницѣ, какъ бы занесенной его подлинною огненной ревностью о Богъ..." (4 Цар. 2:10-12)

Изъ слова Высокопросвѣщеннѣйшаго Аверкія, Архіепископа Сиракузскаго

Св. Новомученикъ Князь Владиміръ Палей
(1896 — 1918)

Иноческая Лира

“Уже Спустилась Полумгла...”

стихи Новомученика Князя Владимира Палей

(†18-го Июля 1918)

*Из возжелннной вѣчности глядитъ на насъ благородный
тихий полуневидный взглядъ живой любящей души роднаго соотечественника,
прошедшаго на своемъ краткомъ жизненномъ пути страданя какъ житейскія,
такъ и невинно пролитую кровь Новомученика. Приходитъ онъ изъ нераскайнаго прошлаго
окровавленной Руси и трогаетъ насъ своей неземной пѣсней, созвучной съ тихой
иноческой лирой, какъ бы предвидя “полумглу” удаляющагося христіанства
съ лица земли... Улыши насъ, молодой печальникъ русскій,
и вдохнови современную молодую Русь!*

СУМЕРКИ

Уже спустилась полумгла,
Но въ небѣ, надъ землей усталой,
На золотые купола
Еще ложится отблескъ алый;
Зова къ молитвеннымъ мечтамъ
Того, кто сирь и обездоленъ,
Кресты высокихъ колоколенъ,
Еще сияютъ здѣсь и тамъ,
Какъ будто солнца замедленъ
На каждомъ куполѣ златомъ
Напомнить хочеть намъ о Томъ,
Кто обѣщалъ намъ воскресенье...

Петроградъ. Февраль 1917г.

О СВѢТЕ ТИХИЙ!

О СВѢТЕ ТИХИЙ, Боже правый!
Ты ниспосли Свои лучи,
Въ покой таинственной оправы
Алмазы сердца заточи...
Измучень я нѣмымъ страданьемъ,
Не знаю — чѣмъ душа полна?
Такъ пусть Тобой, Твоимъ сияньемъ

Навѣкъ исполнится она.
Во мнѣ мерщаетъ, догораая,
Недостижимая мечта —
Возьми, возьми ея для раая,
Гдѣ все покой и красота!
И Ты, о Пресвятая Дѣва,
Склонись надъ жизнью молодой,
И грусть чуть слышную напѣва
Возьми незримою рукой!
Храни ея! Въ ней вѣсь стремленья,
Всѣ думы свѣтлая мои,
Въ ней дань земнаго умиленья,
Въ ней всѣхъ источникъ струи!
Храни ея надъ облаками,
Въ нѣмой лазурной вышинѣ,
И въ часъ, когда безпечность съ нами,
Отдай ея Ты снова мнѣ!
И будетъ что-то неземное
Звучать съ тѣхъ поръ въ стихъ моему,
Въ немъ все далекое, святое
Сольется съ жизненнымъ огнемъ.
Въ немъ отзвукъ ангельской свирели
Скользнетъ, какъ чистая слеза,
И буду знать я, что смотриши
Мнѣ въ сердца глубь Твои глаза.

ГОСПОДЬ ВО ВСЕМЪ

ГОСПОДЬ во всемъ, Господь вездѣ:
 Не только въ ласковой звѣздѣ,
 Не только въ сладостныхъ цвѣтахъ,
 Не только въ радостныхъ мечтахъ,
 Но и во мракѣ нищеты,
 Въ слѣпомъ испугѣ суеты,
 Во всемъ, что больно и темно,
 Что на страданье намъ дано...
 Господь въ рыданьи нашихъ мукъ,
 Въ безмолвной горечи разлукъ,
 Въ безвѣрныхъ поискахъ умою —
 Господь въ страданіи самою.
 Мы этой жизнию должны
 Достичь невѣдомой страны,
 Гдѣ альбомъ слѣдомъ отъ гвоздей
 Христосъ коснется ранъ людей...
 И оттого такъ бренна плоть,
 И оттого во всемъ — Господь.

Борются въ сердцѣ небо и адъ...
 Шепотъ молитвы... Строгіе лики...
 Звонкихъ кадильницъ дымъ голубой...
 Дай мнѣ растаять, Боже великій,
 Ладаномъ синимъ передъ Тобой!
 Выйду изъ храма — снова нарушу
 Святость обѣтовъ, данныхъ Тебѣ —
 Боже, очисти грѣшную душу,
 Дай ей окрѣпнуть въ вѣчной борьбѣ!
 Въ цѣпкихъ объятяхъ жизненныхъ терній
 Дай мнѣ отвагу смѣлыхъ рѣчей.
 Черная ризы... Сумракъ вечерній...
 Скорбная очи желтыхъ свѣчей...

л л л

...РАЗВѢ не узникъ и ты, Поэтъ? Ты тѣлесно
 Жизнью прикованъ къ земному понятью о ней,
 Вѣчно ты слышишь душой словно хоръ поднебесный,
 Вѣчно ты долженъ томиться со скорбью своей...

Февраль 1915 г.

Великій Князь
 Константинъ
 Константиновичъ —
 выдающийся русский
 национальный поэтъ
 К.Р. (Романовъ)

Посвящается К.Р.

Отдаваясь святому лиризму,
 Я про нѣмощь свою забывалъ
 И на страсти смотрѣлъ я сквозь призму
 Непорочныхъ далекихъ началъ.

Апрель 1915 г.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ

ЧЕРНЫЯ ризы... Тихое пѣнье...
 Ласковый отблескъ алыхъ лампадъ...
 Боже веселійный! Дай мнѣ терпѣнья:

МНѢ ДОРОГЪ часъ, когда царией властной
 Встаеъ ввали румяная заря
 И къ жизни вновь готовится прекрасной
 Душа, любовью трепетной горя...
 Но всёхъ дороже мнѣ тотъ часъ упокоенъ,
 Когда туманъ рождается nocturnal,
 И вся душа, источникъ вдохновенъ,
 Горить въ тиши высокою звѣздой.

л л л

...**НО** КОЛЬ Родины вѣрнымъ
и преданнымъ сыномъ

Паду я въ жестокомъ бою —
Дай рабу Твоему умереть христіаниномъ,
И пускай, уже чуждый страстямъ и кручиннамъ,
Прославить онъ волю Твою...

Дѣйствующая армія. Сентябрь 1915 г.

...**КЪ** НАРОДУ вышелъ Государь.
И предъ своимъ Вождемъ Державнымъ
Толпа однимъ движеньемъ плавнымъ
Въ одномъ стремленьи пала ницъ...
И мигъ сей, созданный толпою,
О Русь, останется одною
Изъ историческихъ страницъ...
Царь говорилъ — и это Слово
Всегда звучать намъ будетъ снова
Въ минуты скорби и тоски,
А тотъ, кто слышалъ эти рѣчи,
Не стобить побѣжденно плечи
До гробовой доски...
“Миръ заключенъ не будетъ Мною,
Покою Я врагу не дамъ,
Пока онъ вновь не будетъ тамъ,
За пограничною чертою...”
И залы Зимняго Дворца
“Ура” какъ громомъ огласились.
Дрожали стекла, и сердца
Восторгомъ трепетнымъ забились!
Сія чудной красотой,
Вся въ бѣломъ, плакала Царица;
Она на подвигъ шла святой
Быть милосердною сестрицей.
И клики снова поднялись,
Взлетая неудержно ввысь.
Толпа какъ море бушевала,
Безумной храбростью горя,
И съ умиленьемъ повторяла
Слова Россійскаго Царя...

Петербургъ. 1914 г.

Въ **ТРАВѢ** густой, въ травѣ душистой,
Гдѣ Божьимъ тварямъ есть пріютъ,
Гордясь свирелью серебрястой
Цикады звонкія поютъ...

Царить послѣдній отблескъ лѣта,
Но миръ не хочеть на покой,
И пѣсня маленькая спѣта
Съ великой, чудною тоской!
Въ награсныхъ поискахъ отрады,
Когда цвѣты ужъ отцвѣли
Поютъ незримыя цикады
О бѣглыхъ радостяхъ земли...

О чемъ-то хрупкомъ и печальномъ,
О чемъ-то полномъ красоты,
Какъ счастье — призрачно-хрустальномъ,
Воздушно-легкомъ какъ мечты...

И тихо плачуть эти трели,
Какъ будто тамъ, въ травѣ живя,
Цикады вѣщія узрѣли
Недостижимые края!

22-го Августа 1916 г.

НѢМАЯ ночь жутка. Мгновенія ползуть.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далекихъ милыхъ прожитыхъ минутъ
Нахлынули воспоминанья...
Мысль узника въ мольбѣ уносить высоко —
То, что растеть кругомъ — такъ мрачно и такъ низко.
Родные, близкіе такъ страшно далеко,
А недруги такъ жутко близко.

Св. Князь Владимиръ съ другомъ.

СПИТЕ, солдатики, спите, соколики,
Вамъ здѣсь просторъ и покой.
Благословилъ васъ Господь нашъ Всевидящій
Миротворищей рукой.
Русь защитная, ребята бывалые,
Долго дрались вы съ врагомъ.
Спите, родимые, спите, усталые,
Польдъ деревяннымъ крестомъ.

Крестъ надъ могилой-шахтой, куда были сброшены Св. Князь Владимиръ, откуда
раздалось пѣніе умирающихъ мучениковъ

НОВОМУЧЕНИКИ РОССІЙСКІЕ

Князь Владимиръ Палей

Память 18-го Июля (1918)

28-го Декабря отмѣняется земной день рожденія Царственнаго Мученика

Князя Владимира Палея, одного изъ Алапаевскихъ Новомучениковъ, убитыхъ 18-го Июля 1918 года, на слѣдующій день послѣ убіенія Царя-Мученика Николая и его Семьи. Князь Владимиръ Палей, двоюродный братъ послѣдняго Царя, былъ поэтому изъ дома Романовыхъ, но не Романовымъ. Изъ-за неравнаго брака его родителей онъ не могъ считаться членомъ династіи. Это обстоятельство могло бы спасти ему жизнь; однако, когда большевики потребовали отъ него, чтобы онъ отказался отъ своего любимаго отца, Великаго Князя Павла Александровича, Владимиръ остался вѣрнымъ сыновней любви и чести и выбралъ заточеніе и смерть.

Онъ прожилъ на землѣ всего лишь 21 годъ. Однако за время такого краткаго земнаго пути онъ сумѣлъ оставить у всѣхъ окружающихъ сильное впечатленіе отъ своихъ необычайныхъ дарованій. Особенно удивительно было видѣть, какимъ естественнымъ и инстинктивнымъ потокомъ лились изъ-подъ его пера святые и гармоничные стихи, какъ музыкальные ноты у Моцарта. Онъ былъ зѣвски убитъ въ 1918 году, въ то время, когдѣ онъ, казалось, былъ призванъ стать одной изъ величинъ русской литературы, а его поэзія, полная пылкихъ чувствъ, юной святѣжести и подчасъ мистической глубины, была по политическимъ причинамъ забыта, а его любимая Родина пережила режимъ террора, одной изъ первыхъ жертвъ котораго сталъ онъ самъ.

1. ДѢТСТВО

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ родился въ Санктъ-Петербургѣ 28-го Декабря 1896 года. Онъ былъ сыномъ Великаго Князя Павла Александровича, младшаго изъ сыновей Императора Александра II, и Ольги Валеріановны Карновичъ, дочери одного изъ придворныхъ Императорскаго Двора. Ввиду того, что бракъ его родителей былъ мorganатическимъ, Владимиръ не могъ носить фамилію своего отца — Романовъ, но позже получилъ титулъ князя Палея особымъ указомъ Царя Николая II.

Дѣтство свое князь Владимиръ провелъ въ Парижѣ, гдѣ родители его сначала жили въ изгнаніи послѣ низложеннаго (по законамъ Императорской фамиліи) брака, въ атмосферѣ глубокой любви и нѣжности. Съ раннихъ лѣтъ было ясно, что онъ необычайно одаренный ребенокъ. Онъ быстро научился играть на роялѣ и другихъ инструментахъ и

проявилъ поразительные способности къ рисованію и живописи. Онъ научился читать и писать одинаково бѣгло на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а позже и на русскомъ. Въ очень раннемъ возрастѣ онъ порадовалъ окружающихъ своимъ обширнымъ чтеніемъ и удивительной памятью.

Послѣ длительныхъ переговоровъ съ Императорскимъ Дворомъ, Великій Князь Павелъ получилъ прошеніе за свой мorganатическій бракъ и разрѣшеніе всей семьѣ вернуться въ Россію. Великій Князь хотѣлъ, чтобы сынъ его послѣдовалъ династической традиціи поступленія на военную службу, и въ 1908 году князь Владимиръ поступилъ въ Пажескій Корпусъ — петербургское военное училище для аристократической молодежи.

Въ теченіе своего пребыванія въ Пажескомъ Корпусѣ Владимиръ продолжалъ частнымъ образомъ обучаться живописи и музыкѣ, а въ 1910 году конный князь сталъ писать стихи, выявляя свое призваніе. Его мать писала:

“Съ 13-лѣтняго возраста Владимиръ писалъ оригинальные стихи... Каждый разъ, когда онъ возвращался домой, его талантъ къ поэзии проявлялся все сильнѣй и сильнѣй... Онъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы отдавать свой умъ возлюбленной поэзии. Обладая темпераментомъ мечтателя, онъ обзиралъ все вокругъ себя, и ничто не ускользало отъ его чуткаго настроеннаго вниманія... Онъ страстно любилъ природу. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ всего, что сотворилъ Господь Богъ. Лунный лучъ вдохновлялъ его, ароматъ цвѣтка подсказывалъ ему новые стихи. У него была невѣроятная память. Все то, что онъ зналъ, что онъ сумѣлъ прочесть за свою короткую жизнь, было поистинѣ изумительнымъ”.

Даръ поэзии не былъ чуждъ династии Романовыхъ. Одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Великаго Князя Павла Александровича — талантливый Великій Князь Константинъ Константиновичъ — былъ виднымъ ученымъ и знаменитымъ поэтомъ, который съ 1880-хъ годовъ издавалъ стихи подъ псевдонимомъ “К.Р.” Нѣкоторые изъ нихъ были переведены на музыку Чайковскимъ. Владимиръ съ упоениемъ читалъ стихи К.Р. и нѣкоторые изъ его собственныхъ литературныхъ произведеній написаны подъ ихъ влияниемъ. Владимиръ также былъ знакомъ по Пажескому Корпусу съ двумя изъ сыновей К.Р., князьями Константиномъ и Игоремъ, которые впоследствии раздѣлили его послѣдние дни и мученичскій вѣнецъ.

2. ВОЙНА

Съ наступлениемъ Первой мировой войны князь Владимиръ, какъ многие русскіе юноши, преисполнился патристическаго энтузіазма, который онъ часто выражалъ и въ своихъ стихахъ. Однако надежды на быструю побѣду вскорѣ исчезли, а Россія, какъ и другія воюющія страны, оказалась втянутой въ нескончаемый кровавый кошмаръ.

Для Пажескаго Корпуса война обозначала ускоренное продвиженіе. Въ декабрь 1914 года князь Владимиръ поступилъ въ Императорскій гусарскій полкъ, а въ февралѣ 1915 онъ уже отправился на фронтъ. Въ день своего отъѣзда онъ присутствовалъ

на ранней литургіи со своей матерью и сестрами. Кромѣ нихъ и двухъ сестеръ милосердія въ церкви никого не было. Каково же было удивленіе Владимира и его семьи, когда они обнаружили, что эти сестры милосердія были сама Императрица Александра Феодоровна и ей близкая фрейлина Анна Вырубова. Императрица поздоровалась съ Владимиромъ и подарила ему на путь маленькую иконку и молитвенникъ.

Положеніе сына Великаго Князя не ограждало Владимира отъ опасностей и жестокости войны.

Нѣсколько разъ его послали въ опасныя развідки, а пули и снаряды постоянно сыпались вокругъ него. За храбрость онъ былъ пожалованъ военнымъ орденомъ Анны 4-ой степени. Кромѣ того, ему было присвоено званіе лейтенанта, и онъ былъ очень любимъ своими соратниками.

Письмо къ матери отъ 10-го Марта 1915 года:

“Родная моя Мамочка!

Какое радостное извѣстіе насчетъ Перемышля, но какой ужасъ въ Дарданеллахъ! Сегодня съ утра здѣсь ходятъ слухи объ объявленіи войны Италіи, что, конечно, тоже имѣло бы первоклассное значеніе. C'est maintenant que cela commence a devenir passionnant! Только бы намъ не проморгать въ концѣ.

Слишкомъ грандиозная, слишкомъ пламенная и всеобъемлющая была битва, чтобы кончиться вздоромъ. На прошлой недѣлѣ у насъ была присяга новобранцевъ и — довольно, я скажу, неожиданно — наша офицерская. Всѣ эскадроны

собрались въ колоссальномъ манежѣ. Была дивная торжественная минута, когда эти сотни рукъ поднялись, когда сотни молодыхъ голосовъ выговаривали слова присяги и когда всѣ эти руки снова опустились въ воцарившемся гробовомъ молчаніи — comme une mousson de force et d'energie fauchee par le silence. Охъ! Какъ я люблю такія минуты, когда чувствуешь мощь вооруженнаго войска, когда что-то святое и ненарушимое загорается во всѣхъ глазахъ, словно отблескъ простой и вѣрной до гроба своему Царю души.

Мамочка! Я въ херувимскомъ настроеніи послѣ говѣнія и придумалъ массу стиховъ. Какъ-то лучше пишемъ послѣ церкви — я это совсѣмъ искренно

Юный Новомуч. Владимиръ съ семьей: Отцомъ Павломъ Александровичемъ матерью Ольгой Валеріановной и сестрами Ириной и Натальей, 1911 г.

говору — всё мысли, всё строчки полны кротостью тихого блеска восковых свечей, и невольно от стихов вьёт вьюковым покоем икон. Грезы чище, благороднее и слова льются проще.

Второй Павлов тоже ухалть. Вьроятно, меня теперь телеграммой Шевич? Потребуется туда, все от него зависить... На Пасху меня, вьроятно, "Галь-юбчик" отпустить дней на 5-6. И то хльб! Я вас не видаль около мьсяца! Моих драгоценных Бибишек... я собираюсь мучать двумя дьтскими стихотворениями, специально для них написанными. У меня был сильный бронхит, но кь счастью проходит. Я очень поддружился сь корнетомь Сьргьемь Таптыковымь, Коннаго Полка, милый и очень уютный.

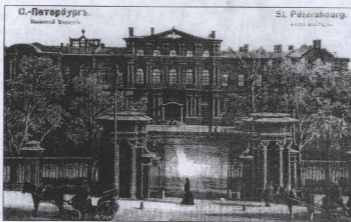
Пор. Торнау также очень мил. Вь день присяги мы сь нимь выпили "на ты", онь ко мнѣ часто заходить. Русскаго Барина я дочиталь — интересно. Прочтите непременно того же Лаппо-Данилевскаго "Вь туманѣ жизни", очень красиво. Залыхась до самаго конца. Прочель также письма А.П. Чехова, le Frelon

l'Аeroplane sur la Cathedrale, кое-что Oscar Wilde, Кнута Гамсуна, Ибсенъ, Murger, Maupassant, Jouxcourt, Леонида Андрѣва, Толстого. Но самое главное слдующее: оказывается, наш начальник гарнизона, полковникъ Петровъ — очень и очень недурный опереточный композиторь. И вообрази, изь чего онь сочиняет свою послднюю вещь: изь la Belle Aventure! Выходить прелестно. Яркъ ему написал уже русскій тексть первыхь двухь дьйстви, я моментально сочинил французскіе слова и просто — конфетка-штучка. ... Выходить бабушки сь куплетами и на мотивь стараго Quadriles des Lauciers. Такь трогательно и наивно!

C'était le bon temps de l'Empire!
Hélas! tout va de mal en pire:
Ou sent mes seize ans d'autre fois,
Que j'eus sous Napoléon Trois?
La République m'a fait don
D'un rhumatisme et d'un bâton...

Прости, что я безь всякаго порядка большого о всемь. Но вьдь здѣсь тоже никакихь развлечений,

скука зе-ле-на-я. Такь правда прятно послушать "une jolie musiquette". Господи! Какь далеко теперь Рождество, поѣздки сь Кокошей, Gaité Richochant, la Cigale. Quel abîme entre la Cigale et Муравьи! Но какь все хорошо вь своемь духѣ! Вь сущности, можно быть счастливымь только сь однимь принципомь: ужь если работать, такь работать, а если веселиться — такь веселиться во всю... Теперь время работы, серьезной и упорной. Но qu'est-ce que je deviendrais, если бы я не могь писать стиховь и вообще не имьль способности не скучать вь одиночестве!? Вьдь я никако кь себѣ почти не зову. Крутомь все такое дурачье, такая невостиптанность, такое пьянство настоящее и такая поза на него!

С.Петербург, Пажескій Корпусь.

что всё слои общества, исключая аристократію, которая вь это время вь носу ковыряла и бьгала за Лукой Непутевымь, поднялись на одну ступеньку — но, конечно, только со стороны материальной и вьншней. Духовная осталась по-прежнему слегка хамоватой, слегка добродушной и вь общемь гнусной! Я это уже замьчалъ сь Пажескаго Корпуса, гдѣ чувствуется больше всего наплывь новаго слоя: мѣшанство, еще неопытные снобы, все это смѣшивается вь довольно отвратительную кашину. Изрьдка встрѣчаются милые люди — но гдѣ же? Aux deux extremes: это или славный сынь бьднѣйшаго полковника Семгевскаго или перидскій принцъ! Все остальное — брр! Но все таки, я думаю, можно жить сьчастливо, разбираясь вь людяхь и главное имѣя за собой такихь двухь ангеловь-хранителей, какь вы, мои родные, которые, я это знаю и чувствую и глубоко дьвно, никогда никому не дадуть вь обиду своего офицерика! Ахь, Мамочка! Если бы ты знала, какь идеально умно говорилъ со мной Сашка Павловь передь отьѣздомь. Онь выпилъ со мной на ты (это было вь день присяги, мы были оба вь мухѣ и говорилось легче), потомь отвель вь сторону и

Я нисколько не претендую на то, что я лучше другихь, но, слава Богу, вы меня воспитывали вь иныхь правилахь, и людеи я видаль порядочныхь. Sapristi! Qu'il faut y regarder a deux fois, avant de faire quelque chose! Великое дьло — воспитание и какь чувствуюсь абсолютное отсутствие его у нашей "jeunesse dorée". Я думаю, это зависить оть того,

началь говорить со мной по душѣ. Ты знаешь, закрывъ глаза, я побоялся бы, что это говоритъ Папа, такъ это было просто, искренно, доброжелательно. Я это лучше на словахъ расскажу, но могу привести одну фразу: "Дай тебѣ Богъ вести себя въ полку такъ, какъ ты вель себя здѣсь при моемъ братѣ и мнѣ. Тогда ты будешь не только лучшимъ товарищемъ, не только младшимъ офицеромъ и сослуживцемъ — ты будешь духомъ самого полка!"

Ты знаешь, Мамочка, *des mots comme ça, ça ne se dit pas pour faire de chichés. Je sentais qu'il me parlait d'homme à homme, avec une profonde amitié par laquelle je pourrais toujours compter plus tard!* Et ça, ça fait vraiment plaisir! Обнимаю, моя родная, тебя тысячу разъ, моего Папа и дѣвулекъ тоже. — Страсть какъ хочу васъ видѣть! *Твой Own Boy*".

Въ окопахъ Владиміръ продолжалъ писать, и наравнѣ со многими стихами о любви и бывлыхъ воспоминаніяхъ, его поэзія стала отображать страданіе и разруху, приносимую войной, самоотверженную работу сестеръ милосердія и смерть дорогихъ собратьевъ по Пажескому Корпусу. Онъ также перевелъ на французскій языкъ извѣстный поэтической трудъ Великаго Князя Константина Константиновича "Царь Иудейскій". К.Р. пожелалъ услышать переводъ своего произведенія, и въ апрѣлѣ 1915 года, когда молодой офицеръ прибылъ домой на побывку, К.Р. пригласилъ его къ себѣ въ Павловскъ. Великій Князь былъ уже сильно боленъ, и красота перевода тронула его до глубины души. Со словами на глазахъ онъ сказалъ: "Я пережилъ одно изъ самыхъ сильныхъ чувствъ моей жизни и обязанъ этимъ Володѣ. Я умираю. Я передаю ему свою лиру. Я завѣщаю ему въ наследство, какъ сыну, мой даръ поэта". К.Р. хотѣлъ, чтобы переводъ Владиміра былъ напечатанъ во Франціи, но военное время не подходило для такихъ проектовъ. Къ сожалѣнію, текстъ произведенія никогда не былъ напечатанъ въ Россіи и былъ утерянъ во время революціи.

3. КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Въ приходѣ революціи князь Владиміръ Палей увидѣлъ приближеніе антихриста. 1-го Ноября 1917 года онъ записываетъ въ дневникѣ о разстрѣлѣ одного священника въ Царскомъ Селѣ и продолжаетъ:

"Но что можетъ быть хуже разстрѣловъ, служба церковная въ Царскомъ запрещена. Развѣ это не знаменіе времени? Развѣ не ясно, къ чему мы идемъ и чѣмъ это кончится? Паденіемъ монархіи, одна за другой, ограниченіемъ правъ христіанъ, всемірной республикой и — несомнѣнно!

— всемірной же тираніей. И этотъ тиранъ будетъ предсказаннымъ антихристомъ... Неселая мысли лезутъ въ устающую голову. И все таки свѣтлая сила побѣдитъ! И зарыдають гласомъ великимъ тѣ, кто бѣснуется. Не здѣсь, такъ тамъ, но побѣда останется за Христомъ, потому что Онъ — Правда, Добро, Красота, Гармонія".

Нѣсколько ранѣе, въ Августѣ 1917 года онъ написалъ стихотвореніе "Антихристъ", гдѣ есть такія строки:

... Идетъ въ одѣждѣ огневой
Онъ править нами на
мгновенье,
Его предвѣстникъ громовой —

Республиканское смятеніе.
И онъ въ кощунственной хвалѣ
Докажетъ намъ съ надмѣнной ложью,
Что надо счастье на землѣ
Противоставить Царству Божью.
Но пролетитъ короткій срокъ,
Погаснутъ дьявольскія бредни
И поэзіяетъ крестъ высокъ...

Октябрьскій переворотъ въ Россіи и начало большевическаго режима явились первыми шагами долгаго крестнаго пути для всѣхъ родственниковъ Царя, пожелавшихъ остаться въ Россіи. 3-го Марта 1918 года одинъ изъ самыхъ могущественныхъ комиссаровъ Петрограда приказалъ всѣмъ членамъ семьи Романовыхъ явиться въ городской отдѣлъ ЧК. Ввиду того, что Великій Князь Павелъ былъ боленъ, семья рѣшила, что княгиня Палей понесетъ въ ЧК справку отъ врача, а Владиміръ, не идущій подъ фамиліей Романовыхъ, останется дома, въ надеждѣ пройти незамѣченнымъ. Однако агенты ЧК приказали Владиміру явиться на слѣдующій же день.

4-го Марта Владиміръ отправился въ ЧК Петрограда. Его принялъ Урицкій, который сдѣлалъ поэту наглое предложеніе: "Вы подпишите бумагу о томъ, что Вы перестанете считать Паппа Александровича Вашимъ отцомъ, и тогда сразу станете свободными; въ противномъ случаѣ Вы подпишите

Св. Новомученикъ Князь Владиміръ Павловичъ Палей

Святая Новомученица Елизавета Теодоровна, в юные годы
(1864 — 1918)

Святые великокняжеские мученики,
сыновья Константина Константиновича Романова.

Слѣва направо: Игорь, Иоаннъ, Константинъ Константиновичи

вотъ эту другую бумагу, которая будетъ означать изгнаніе”.

Это былъ послѣдній билетъ на жизнь, но князь Владиміръ былъ человѣкомъ принципа. Несмотря на то, что онъ кивнулъ отъ негодованія, онъ ничего не отвѣтилъ, лишь пристально посмотрѣлъ на большевицкаго комиссара. На лицѣ князя Урицкій увидѣлъ такой полный упрека и презрѣній взглядъ, что онъ рѣзко сказалъ: “Ну, ладно, тогда, ужъ если такъ, то подпишите бумагу объ изгнаніи”.

Княгиня Палей дѣлала все возможное, чтобы выволочь своего сына изъ когтей ЧК, но уже было слишкомъ поздно. Ея мольбы оказались безуспѣшны, и Владиміру было приказано быть на вокзалѣ 22-го Марта, чтобы ѣхать въ Вятку вмѣстѣ съ другими изгнанными членами Императорской фамиліи: князьями Иоанномъ, Константиномъ и Игоремъ Константиновичами, Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ и ихъ вѣрными слугами.

3. ИЗГНАННИКИ

Въ Вяткѣ, почти еще не тронутой революціей, жители отнеслись къ изгнанникамъ сочувственно, принося имъ дары и помогая въ устройствѣ, а монахи изъ ближайшаго монастыря предложили готовить имъ ѣду. Большевики обезпокоились все возрастающимъ проявленіемъ доброты къ изгнанникамъ и рѣшили немедленно перевести князей въ другой городъ. 17-го Апрѣля 1918 года семья Владиміра въ Царскомъ Селѣ получила отъ него телеграмму, въ которой онъ сообщалъ, что по приказу изъ Москвы, онъ и его двоюродные братья Романовы будутъ отправлены въ Екатеринбургъ. Ихъ пребываніе въ Вяткѣ длилось всего лишь 11 дней.

Екатеринбургъ былъ столицей уральскаго регіона и одной изъ твердынь большевизма. У Владиміра было дурное предчувствіе, и онъ былъ очень удрученъ перемѣной. Его журили за мрачный взглядъ

на вещи, но вскорѣ убѣдились, что онъ былъ правъ.

Владиміръ и его родственники прибыли въ Екатеринбургъ 20-го Апрѣля, какъ разъ въ Страстную Пятницу. Имъ сказали, что Императоръ Николай II: Императрица Александра и дочь ихъ, Великая Княжна Марія, уже живутъ въ Екатеринбургѣ, заключенные мѣстными совѣтскими властями въ домѣ, отнятомъ у богатаго купца Ипатьева. 10-го Мая въ домъ Ипатьева прибыли еще узники: больной Царевичъ Алексѣй, сестры его Великая Княжна Ольга, Татьяна и Ана-

стасія, и нѣсколько слугъ, которые остались вѣрны Романовымъ и которымъ было разрѣшено раздѣлить съ ними заточеніе.

Одновременно къ молодымъ князьямъ неожиданно присоединился еще одинъ членъ династіи, Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна, сестра Императрицы. Несмотря на ея многолѣтнія милосердныя труды и помощь нищимъ въ Москвѣ, ея заставили покинуть свою обитель и выслали въ Екатеринбургъ съ двумя изъ ея монахинь. Владиміръ и его союзники прилагали всяческія усилія, чтобы войти въ контактъ съ Царемъ и его Семейю, но послѣдніе содержались въ домѣ Ипатьева подъ очень строгимъ режимомъ.

Однако въ скоромъ времени уральскій совѣтъ рѣшилъ, что опасно держать князей по соседству съ Царемъ. 5-го Мая, въ день своего ангела, княгиня Палей получила поздравительную телеграмму отъ своего сына, въ которой князь Владиміръ также сообщилъ, что онъ и его союзники переводятся въ Алапаевскъ, маленькій городокъ съ грязными немощными улочками, расположенный въ 120-ти км отъ Екатеринбурга. Изгнанники прибыли въ Алапаевскъ 7-го Мая. Поначалу Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна не очень была рада тому, что ей приходится раздѣлять заточеніе съ княземъ Владиміромъ. Она никогда не признала княгиню Палей и поэтому перенесла свои враждебныя чувства къ ней на ея дѣтей. Однако въ Алапаевскѣ Великая Княгиня Елизавета и князь Владиміръ близко узнали и полюбили другъ друга. Его сестра Марія Павловна писала: “...Володя и тетя Элла по-разному помогали ободрять и поддерживать своихъ союзниковъ... Володя былъ совсемъ необычайной личностью, и онъ, и моя тетя, до того какъ они умерли одной смертью, раздѣлили дружбу, о которой онъ писалъ домой съ великимъ воодушевленіемъ”.

Въ Іюнь, въ преддверіи ихъ убійства, царственные узники были подвержены строжайшему

Икона св. Князь Владимиръ съ другими Алапаевскими Новомучениками; слѣва направо: Владимиръ, Князя Игоря, Князя Константина, Иоаннъ, сыновья Константина Константиновича, поэта К.Р., Князь Сергей Михайловичъ, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и Инокія Варвара.

Икона Архим. Кипріяна (Пыжова). Троицкій монастырь, Джорданвилль, Нью-Йоркъ.

тюремному режиму. Алапаевскіе большевики не убили преданныхъ слугъ узниковъ, но заставили ихъ покинуть Алапаевскъ. Вѣрный камердинеръ князя Владимира взялъ съ собой послѣднее его письмо къ родителямъ, въ которомъ онъ описывалъ страдания и униженія, испытываемые царственными узниками въ Алапаевскѣ, но гдѣ онъ отмѣчалъ и то, какъ его вѣра вселяла въ него мужество и надежду. Онъ также написалъ: «Все, что меня раньше интересовало, — тѣ блестящіе балеты, та декадентская живопись, та новая музыка, — все теперь кажется тупымъ и безцвѣтнымъ. Я ищу правду, настоящую правду, я ищу свѣтъ и добро...»

4. МУЧЕНИЧЕСКІЙ ПОДВИГЪ

Князь Владимиръ и его товарищи по изгнанью пробывали почти мѣсяцъ подъ невыносимымъ тюремнымъ режимомъ. Улучшенія обстоятельствъ уже не предвидѣлось: къ Уралу приближалась Бѣлая Армія и большевики рѣшили убить Царя Николая II и всѣхъ его родственниковъ, сосланныхъ сюда, прежде чѣмъ они будутъ спасены «контрреволюціонерами».

Въ ночь на 17-ое Юля Царь Николай, его супруга и дѣти и ихъ вѣрные слуги были звѣрски убиты въ подвалѣ Инатъевского дома и погребены въ тайной могилѣ въ лѣсахъ подлѣ Екатеринбургомъ.

Не зная ничего объ этомъ, алапаевскіе узники провели утро 17-го Юля — свое послѣднее — въ своемъ обычномъ заточеніи. Въ полдень къ нимъ явился чекистъ Старцевъ съ группой рабочихъ-большевиковъ, отославъ всю стражу, отобралъ у

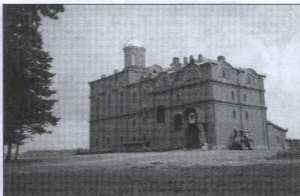
изгнанниковъ ихъ послѣднее имущество и объявилъ имъ, что ночью они будутъ перевезены въ другое мѣсто, находящееся въ 10-ти верстахъ отъ Алапаевска. На самомъ же дѣлѣ большевики намѣревались отвезти ихъ къ заброшенной и полузаглохнутой рудной шахтѣ близъ деревни Синячиха, которая была выбрана мѣстомъ убійства. На днѣ шахты была яма, называемая Нижнеселимской, глубиной метровъ въ 11, въ которой тѣла скоро были бы обнаружены.

Поздно ночью они завязали за спиной руки Великой Княгини Елизаветы и ея вѣрной спутницы. Князя со связанными руками и связанными глазами были выведены и посажены въ повозки. Великій Князь Сергій понялъ, что должно произойти и сопротивлялся. Большевики въ него выстрѣлили, ранивъ вѣ руку, и посадили въ послѣднюю повозку.

Выѣхавъ изъ Алапаевска, повозки объединились въ жуткую молчаливую колонну. Въ темнотѣ идущая въ городъ группа крестьянъ въ послѣдній разъ увидѣла князей и ихъ убійцъ. Князья были одѣты въ простую гражданскую одѣжду. Колонна продвигалась тихо, изъ повозокъ не доносилось ни звука. Около часа ночи колонна добралась до шахты. Наступило 18-ое Юля — день Ангела Великаго Князя Сергѣя. По прибытіи узниковъ заставили пройти нѣсколько сотъ метровъ отъ повозокъ. Великая Княгиня Елизавета пѣла по дорогѣ пѣснопѣнія. Ихъ сбрасывали по одному. Съ связанными глазами и со связанными за спиной руками, узники не могли защищаться отъ побоевъ

Алапаевский монастырь,
часовня Новомучениковъ.

Монастырь Царскихъ Новомучениковъ.
Алапаевскъ, главный корпусъ.

Алапаевскъ: Звонница
монастыря.

или стараться бѣжать. Великій Князь Сергій, возможно, сдѣлалъ послѣднюю попытку къ сопротивленію, т.к. ему выстрѣлили въ голову.

Спустя много мѣсяцевъ послѣ убійства, вскрытіе тѣла показало, что несмотря на побои, жертвы были еще живы, когда ихъ сбросили въ шахту. У всѣхъ были сильно травмированы черепъ и мозгъ. Князь Владиміръ и князь Игорь были безъ сознания послѣ своихъ раненій, которые были особенно тяжелыми. Свидѣтельство убійцы Рябова подтверждаетъ предположеніе, что жертвы оставались живыми послѣ того, какъ были сброшены въ шахту, и дасть предствленіе о жестокости палачей:

“Никто изъ нихъ, по-видимому, не утонулъ и не захлебнулся въ водѣ, и черезъ нѣкоторое время мы снова могли слышать почти всѣ ихъ голоса.

Тогда я бросилъ туда гранату. Она взорвалась, и все было тихо... Мы рѣшили немного подождать, проверить, если всѣ они погибли. Вскорѣ мы услышали разговоръ и едва слышный стоиъ. Я бросилъ туда еще одну гранату. И что же вы думаете — изъ-подъ земли мы услышали пѣніе! Я былъ объятъ ужасомъ. Они пѣли молитву “Спаси, Господи, люди Твоя!”

У насъ больше не было гранатъ, однако невозможно было оставить дѣло незаконченнымъ. Мы рѣшили завалить шахту сухимъ хворостомъ и зажечь его. Сквозь густой дымъ еще долгое время продолжало доноситься до насъ ихъ пѣніе...”

Нѣкоторые изъ убійцъ остались сторожить шахту, а другіе вернулись въ Алапаевскъ, гдѣ они затрезвонили въ соборные колокола и забили тревогу, что князей увезли какіе-то неизвѣстные лица. Вѣсть о “побѣгѣ” была напечатана въ большевистской прессѣ Петрограда, и въ теченіе цѣлаго года семьи жертвъ вѣрили, что князья живы и находятся гдѣ-то въ Сибири.

Но князь Владиміръ Палей и его соизуки ушли навсегда, ставъ жертвой массоваго побоища, которое начинало охватывать всю Россію и отъ котораго въ конечномъ итогѣ погибли многіе миллионы людей на протяженіи мрачнаго 20-го вѣка. 18-го Юля 1918 года русская литература также потеряла одного изъ своихъ самыхъ многообѣщающихъ поэтовъ. Лучшіе произведенія Палея по силѣ и красотѣ не уступаютъ великимъ поэтамъ “серебряннаго вѣка”, а по нравственной чистотѣ онъ и выше многихъ. Ему былъ только 21 годъ, когда заключительныя строки одного изъ его стихотвореній — “Надпись на могилѣ” — стали для него дѣйствительностью.

Душа его на крыльяхъ утомленныхъ
Къ Создателю, убитая, влетитъ.

Святый Мучениче Княже Владиміре,
моли Бога о насъ!

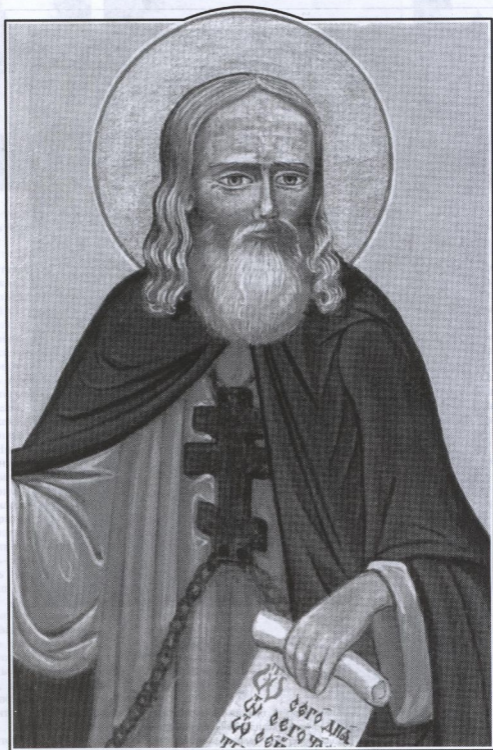

Князь - поэтъ
Владиміръ Павловичъ.

Елизавета

Преподобномученица Елизавета, принявшая иночество послѣ убіенія мужа, Великаго князя Сергія Александровича, принявшаго мученичество отъ революціонеровъ - террористовъ въ 1905г.

Прп. Германъ Аляскинскій. Деталь первообраза 1962 г. Братская икона.

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПОЛНЫЙ

В А Л А Я М С К І Й П А Т Е Р І К З

ПРЕП. ГЕРМАНЪ АЛЯСКИНСКІЙ

Память 15-го Ноября (1836 г.)

О МОНАСТЫРЬ НА ОСТРОВЪ ЕЛОВОМЪ
И ОБЪ УБОГОМЪ МОНАХЪ ГЕРМАНЪ

*Двухсотлѣтіе Нового Валаама
отъ основанія и до нашихъ дней*

1805 — 2005

3

Уже двѣ сотни лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскіе пустыннолюбивые монахи появились на Еловомъ Островѣ. Съ тѣхъ поръ онъ почти никакъ не измѣнился: тамъ такъ же бродятъ вѣчные туманы, со всѣхъ сторонъ шумитъ грозный океанъ, дремотой окутаны могучія древнія ели. Привлекаетъ къ себѣ Еловый, какъ и встарь, пустыннолюбець, которыхъ, какъ и встарь, всегда было мало, да и явленіе это было всегда рѣдкое, уникальное. Лѣтописи обитателей Еловаго Острова по сей день не существовало.

Ниже приводимъ первое краткое изслѣдованіе, составленное съ точки зрѣнія пустынножителя, а не случайнаго свѣтскаго посылителя.

Прп. Германъ впервые посылить Еловый и провидѣвъ въ немъ пригодное убожище для монаховъ, назвалъ его "Новымъ Валаамомъ" въ честь своей обители на Ладожскомъ Озерѣ. Его желаніе видѣть на Еловомъ пустынную обитель осуществилось тамъ въ видѣ своего таинственнаго присутствія: онъ ходитъ тамъ какъ живой, вдохновляя, утѣшая и умилая живыхъ душой Боголюбивыхъ людей, и приглашаетъ на иноческій подвигъ.

Еще при жизни онъ провѣщаль, что островъ его пустыни не будетъ безлюднымъ, не будетъ безъ монаховъ.

I. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

I. НОВЫЙ ВАЛААМЪ

ВЕСНОЙ, очевидно, 1805 года, подъ предлогомъ совершать на Еловомъ огородническіе опыты удались съ острова Кадыка два монаха, Германъ и Іоасафъ, недавно принявшій иноческій постригъ, первый на Американскомъ континентѣ. Сохранилось этому предписаніе самаго Ръзнава. Опыты оказались успѣшными: хорошей урожай картофеля, рѣпы, капуста, гороха. Но хлѣба изъ любыхъ крупъ не удавалось выращивать и по сей день. Пользуясь тамъ единеніемъ, монахи подвизались по-пустыннически, тѣмъ болѣе, что Прп. Германъ уже много лѣтъ въ Россіи былъ въ близкомъ общеніи съ великими столпами пустынноческой жизни въ Саровѣ, Санаксарѣ, Валаамѣ и другихъ мѣстахъ, имѣя близкаго друга (О. Теофана Новозерскаго, путешествовавшего по Молдавіи и общавшагося съ учениками Прп. Паисія Величковскаго). Прп. Германъ не могъ не знать о Василискѣ и Зосимѣ, вносившихъ Сибирскіихъ пустынникахъ-исихастахъ. Такъ было положено монашеское начало на Еловомъ. Съ какого момента Прп. Германъ называетъ Еловый Валаамомъ, неизвѣстно, но правитель Американскихъ колоній Фердинандъ Врангель издалъ въ 1831 году указъ, что вся восточная часть острова передана Прп. Герману для монастыря "Новый Валаамъ". Особенно послѣдніе годы онъ безвыздно прожить и скончался тамъ, какъ настоящій пустыльникъ, не измѣняя своему призванію. Погребенъ тамъ, возлѣ сопостника своего Іоасафа (1825). Оба основополож-

"Хотя и много пройдетъ послѣ моей смерти, но меня не забудутъ, и мѣсто жителства моего не будетъ пусто..." Прп. Германъ

ника были въ духѣ Прп. Сергія и Германа Валаамскихъ, Савватія, Зосимы и Германа Соловецкихъ, Сергія и Никона Радонежскихъ и т.д. Прп. Германъ положилъ и начало женской общины съ Софіей Власовой, Маріей (по описанію Баронессы Врангель), и навѣрное, другими помощницами.

Послѣ кончины Прп. Германа въ 1836 году на Еловомъ остались его ученики-сироты подъ надзоромъ его приснаго ученика Герасима, а дѣвочки подъ надзоромъ у Софіи.

Послѣ ея смерти и отъѣзда Герасима въ семинарію полумонашеская жизнь прекратилась. Но мѣстные алеуты, время отъ времени жившіе тамъ, не забывали трудовъ монаховъ на Еловомъ, въ забываютъ даже и по сей день. Они неизмѣнно помнятъ, что тамъ монастырь, даже если и нѣтъ постоянныхъ монаховъ. Туда въ разныхъ опасныхъ случаяхъ продолжали приходить на могилку Прп. Германа и по вѣрѣ получали чудесную помощь. Постороннимъ не всегда доступенъ Монашескій Заливъ изъ-за измѣнчивой погоды. Съ продажей Соединеннымъ Штатамъ Америки Аляски русскіе покинули ея и только рѣдкія миссіонеры продолжали окормлять православное населеніе, которое сильно осаждалось воинствующими

Изображеніе Прп. Германа кисти Архим. Серафима Обливачева. 1929 г. Подъ картиной надпись:

"Деревянный крестъ на о-вѣ Еловомъ, въ покрытой цѣтми лужайкѣ, гдѣ проводилъ Старецъ Германъ дни и ночи на камнѣ въ молитвѣ о мѣрѣ".

протестантами, расколотившимися на множество сектъ, ведущихъ войну другъ съ другомъ, кто больше переманитъ къ себѣ православныхъ незащищенныхъ алеутовъ и др. племенъ. Все это препятствовало приходу монаховъ на Еловый, тѣмъ болѣе что бѣло духовенство, какъ правило, совершенно не понимало пустыннолюбивое настроеніе подлинныхъ иноковъ; смотрѣли административно, монастырь, они счи-

Архимандритъ Герасимъ, въ своемъ саду на Еловомъ островѣ, 1953.
(1888-1969)

тали, долженъ быть организаціей, монахи — исполнители требъ, какъ приходскіе пастыри, живущіе въ міру. Такого мнѣнія держались и архіереи.

Наконецъ, подвѣка спустя святой памяти Епископъ Санъ-Францискій Несторъ благословилъ одного Валаамскаго монаха поселиться на Еловомъ да возобновить то, что было начато Прп. Германомъ.

2. ИЕРОМОНАХЪ НИКИТА

Отецъ Никита еще на Валаамѣ слышалъ про Аляскинскаго пустынножителя. Въ Америкѣ онъ былъ миссіонеромъ и оставилъ записки, когда служилъ на Кенайскомъ полуостровѣ. Поселившись на мѣста жительства Прп. Германа, онъ построилъ келью, весьма умѣло, и сталъ думать о продолженіи Германова подвига. Бывалъ въ селеніи Узкомъ, что на другомъ концѣ острова. Рассказывать, что ему на пути явился самъ Прп. Германъ и просилъ не выпивать. Въ праздникъ Рождества, въ канунъ, загорѣлась его келья, и онъ сгорѣлъ. Его останки (сохранилось только сердце) увезли въ Кадьякъ и похоронили тамъ, лишивъ его послѣдняго желанія быть похороненнымъ на Новомъ Валаамѣ. Его, видно, посщали медвѣди, т.к. въ окнахъ его кельи были особая жѣлезная рѣшетки, сохранившіеся и по сей день.

Иеромонахъ Никита.

Фундаментъ его кельи виденъ и сегодня, неподалеку отъ жилища Прп. Германа. Изъ его записей видно, что мало охотниковъ на пустынноческое жительство было и въ его время. Скончался онъ на Рождество 1888 года.

3. О. НИКОНЪ АӨОНЕЦЪ

Послѣ революціи Кадьякъ посѣтилъ О. Никонъ въ поискахъ духовной пустыни возлѣ Прп. Германа. Настроеніе онъ былъ глубоко молитвеннаго и, будучи офицеромъ въ Бѣлой Арміи, потерявъ Россію, очень страдалъ. Его душа жаждала подвига, но суровая жизнь на Еловомъ, гдѣ ничего не было построено, гдѣ можно было бы жить, смутила утонченнаго аристократа и онъ уѣхалъ на Аѳонъ, жить тамъ долгіе годы на Карули въ крайне суровыхъ условіяхъ, занимаясь исихазмомъ. Знатокъ многихъ языковъ, онъ повліялъ на нѣкоторыхъ ученыхъ, дабы *Добротолубіе* было издано на англійскомъ языкѣ, самъ участвовалъ въ переводѣ и написалъ предисловіе къ первому изданію. Онъ былъ съ О. Герасимомъ въ перепискѣ, которая не сохранилась. Иеросимонахъ Никонъ (Штрандманъ), благороднаго происхожденія, скончался въ 1963 году, Сентября 7-го (20-го) въ своей пустынной кельи. Онъ былъ крестникомъ Императора Александра II.

II. АРХИМАНДРИТЬ ГЕРАСИМЪ

1. ЕЛОВЫЙ

Въ 1916 году прибылъ на Аляску какъ миссіонеръ О. Герасимъ (1888—1969), монахъ Тихоново-Кадужской Пустыни, пожизни на Аѳонѣ, гдѣ многому научился. Изъ-за революціи застрѣлъ на Аляскѣ и сталъ жертвой церковныхъ гоненій изъ-за юридическихъ дразгъ, т.к. не могъ принять раздѣленія. Уже прожилъ десять лѣтъ, не бывалъ на могилкѣ Прп. Германа. Будучи въ отчаяніи, онъ прибылъ къ святому за духовной защитой. И тутъ Прп. Германъ его принял, таинственнымъ образомъ пригласилъ переселиться на “Новый Валаамъ”. Въ 1935 году онъ смогъ это осуществить, послѣ того какъ навью явился къ нему святой и указалъ, кто его враги, и обшавъ быть съ нимъ. Перебравшись на Еловый, онъ на свои средства, на подаренномъ маломъ участкѣ, построилъ келью и часовню и зажилъ по уставу

пустынныхъ скитовъ. Иногда, по великимъ праздникамъ, служилъ въ селеніи Узкомъ и затѣмъ снова спѣшилъ въ свою безмолвную пустыню къ Прп. Герману. И такъ 30 лѣтъ до своей кончины. Онъ терпѣлъ страхованія, голодъ, холодъ и непониманіе со стороны церковныхъ политикановъ. Загатаивалъ топливо, огородничалъ, но, главное, онъ велъ огромную переписку, въ которой выливалъ свою страждущую душу. Его эпистолярное наслѣдіе огромно, краснорѣчиво и поучительно своей простотой глубоко вѣрующаго человѣка, заброшеннаго въ дикій лѣсъ на чужбинѣ, оставленнаго на милость бѣднымъ алеутамъ. Вывжилъ онъ побѣдителемъ при явной помощи Прп. Германа.

Обладая литературнымъ талантомъ и теплою душой, онъ въ своихъ письмахъ и статьяхъ вызвалъ къ

“Полобный мнѣ монахъ, убѣгающій славы человѣческой, придетъ и будетъ жить на Еловомъ.”
Прп. Германъ

Часовня въ честь Прпп. Сергія и Германа Валаамскихъ.

Келлія О. Герасима послѣ реставраціи, 2000 г.

совѣсти монахолобцевъ помочь возстановить "Новый Валаамъ". И хотя сталь широко извѣстенъ въ эмиграціи, но мало кто откликнулся. Такъ никто съ нимъ и не остался. И онъ умеръ одинъ, безъ непосредственныхъ послѣдователей. Но несмотря на всѣ его сѣтованія на бездушіе нашего лихолѣтія и на кажущееся безплодіе, Господь черезъ него возобновилъ монастыство на Оловомъ Островѣ. Уже спустя около двухъ десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ онъ, разбитый параличомъ, покинулъ свое возлюбленное тихое убжище отъ міра сего на островѣ и мирно скончался на рукахъ своего преданнаго крестника Евгенія Санберга на Кодьякѣ, въ канунъ Покрова Пресвятой Богородицы.*

Герасимонахъ Никонъ Святгорець (†1963).

2. ИЕРОДИАКОНЪ ИЛІЯ

Въ 1935 году, когда разнеслась вѣсть, что О. Герасимъ поселился въ лѣсу у Старца Германа, "власть имущіе" испугались, что "не въ тѣ руки попадетъ" Прп. Германъ, и Епископа Алексѣя назначили наводить порядокъ. Онъ началъ собирать деньги и "строить монастырь" безъ монаховъ и изживать О. Герасима. Самъ изъ вдовухъ приходскихъ священниковъ, привезъ съ собой своего иеродиакона, который ничего не зналъ о монастыствѣ. Призвалъ алутовъ изъ ближайшаго селенія и рѣшили строить большое зданіе почти на болотѣ, въ разстояніи одной

мили отъ храма надъ могилкой монаховъ Германа и Юасафа. Когда спросилъ О. Герасимъ, какъ же будущіе монахи ходить будутъ такъ далеко на службы, то увѣренный въ своемъ успѣхъ Епископъ Алексѣй доложилъ, что ихъ будетъ возить автобусъ, когда и дороги проложитъ невозможно изъ-за болота и корнистыхъ елей. Потратилъ деньги и оставилъ въ пустомъ баракѣ своего бѣднаго диакона, который въ ужасѣ и холодѣ сидѣлъ въ ожиданіи чего-то, а дождь безжалостно поливалъ незаконченный домъ, сырой и дырявый, который быстро сгнивалъ. Вскорѣ архіерей уѣхалъ въ СССР**, такъ и не понявши, въ чемъ же вообще смыслъ монастыства, и на этомъ кончилось нашумѣвшее строительство монастыря, никому не нужного.

Бѣдный иеродиаконъ, однако, отъ О. Герасима кое-чему научился, уѣхалъ въ Штаты и поступилъ въ Тихоновскій монастырь. А пустой домъ О. Герасимъ попросилъ своихъ преданныхъ прихожанъ перенести поближе, на высокой берегъ для убжища отъ непогоды рыбакамъ. Тамъ онъ стоитъ и сгниваетъ сегодня.

3. ИЕРОСХИМОНАХЪ МАКАРІЙ

Вскорѣ послѣ окончания войны прибылъ къ О. Герасиму Аѳонскій пустыльникъ съ Карули. Уже установившійся во взглядахъ и съ жизненнымъ опытомъ, многое претерпѣвшій. Появилась надежда, что

* Помимо множества статей и писемъ въ эмигрантской періодикѣ, включая его "Автобиографію въ письмахъ" ("Русскій Паломникъ" №5), были изданы на Английскомъ языкѣ его письма къ братству Преп. Германа и несколько соей его писемъ къ разнымъ лицамъ, еще не опубликованныхъ.

** Со словъ О. Герасима, Еп. Алексѣй делалъ попытку собирать и проверять случаи чудесной помощи по молитвамъ Прп. Германа. Этотъ материалъ не былъ официально опубликованъ, не сталъ доступнымъ для народа и былъ увезенъ имъ въ Советскій Союзъ. Польшка спустя Братство обнаружило его и опубликовало.

онъ утомонится отъ своего плача по утрянному Аѳону. У обоихъ отцовъ было много обшего, но сырой холодный, по сравненію съ аѳонскимъ, климатъ не давалъ покоя О. Макарію, который изъ всѣхъ насильниковъ Еловаго былъ по духу наиболее близкимъ О. Герасиму: онъ понималъ пустыннолюбіе, раздѣлялъ тѣ же взгляды на политику, русское национальное міровоззрѣніе и т.д.

Но безконечные туманы, сырость, дождь, хмурая погода, да и медлѣды, съ которыми О. Герасимъ безстрашно воевалъ, выгоняя ихъ палками и криками, не давали О. Макарію покоя, и онъ съ печально разропсалося со скорбнымъ аляскинскимъ пустынноникомъ, прощавшимся съ нимъ со слезами, и уѣхалъ. Поселился въ Канадѣ въ женскомъ скиту духовникомъ, тамъ и скончался, переживъ только нѣсколькими годами своего аляскинскаго брата. (О немъ существуетъ краткое описаніе его жизни и его писаній, см. "Русскій Паломникъ" № 25).

4. ИЕРОМОНАХЪ СЕРГІЙ

Какъ-то въ 1950 году поступалъ къ О. Герасиму незнакомецъ и подалъ ему письменное предписаніе отъ Епископа Іоанна Злобина сразу же убраться изъ

своей, по-аѳонски законно купленной кельи, и отплатить все вдругъ появившемуся пришельцу. Таково было знакомство О. Герасима съ прѣхавшимъ изъ Парижа Иеромонахомъ Сергіемъ Иртель, бывшимъ въ юности послушникомъ на Валаамѣ. Съ нимъ былъ послушникъ А. и другой, оставшійся въ Ситхѣ. Они посѣдѣли въ сараѣ, что на берегу залива, отстроили половину его для жительствова и прожили тамъ нѣкоторое время, избѣгая слуха въ близлежащихъ

Иеродиаконъ Ілія, келейникъ Еп. Алексія. 1935 г.

Иеросимонахъ Макарій Святогорецъ въ Канадскомъ скиту.

комнату съ чуланомъ, гдѣ спалъ послушникъ, а посередѣ мрачной комнаты стоялъ гробъ, въ которомъ спалъ О. Сергій. По стѣнамъ были надписи по латыни "Помни часъ смертный" съ черепами, распятіемъ, а надъ входомъ надпись "Новая Оптина".

Когда вспыхнула Корейская война, послушника призвали въ армию и О. Сергій остался одинъ. Сырая погода и холодная келья такъ подточили его здоровье, что врачъ предписалъ уѣзжать въ штатъ Техасъ, куда О. Сергій и отбылъ, оставивъ келью, которая стоитъ и по сей день. А лѣтъ черезъ десять по его ухулу, въ 1964 году при наводненіи была бы смята волной первая келья, если бы въ свое время О. Сергій не настоялъ перенести ее повыше. Прозорливость О. Сергія безспорна. Въ послѣдніе годы онъ принялъ схиму съ именемъ Теодора, въ честь своего старца по

Валааму, который до схимы былъ о. Теодоритъ (смотри о немъ в РП №19, за 1999 годъ, страницы 54-65). На Валаамѣ онъ былъ послушникомъ Георгіемъ. У него было болѣе болѣе послушаніе, гдѣ онъ присутствовалъ при отхожденіи къ вѣнцу великихъ Старцевъ. И впоследствии, на Еловомъ описывалъ это. Онъ юродствовалъ въ Мексикѣ и передъ смертю нѣсколько лѣтъ занимался полнымъ молчаливствомъ. Скончался въ 1996 году.

О. Сергій Иртель въ схимѣ Теодор.

Келья О. Сергія, построенная на холмѣ послушникомъ А.

III. БРАТСТВО ПРП. ГЕРМАНА

“Вы дѣлаете доброе дѣло, организовавъ Братство имени Старца Германа Аляскинскаго Чудотворца. Помогите вамъ Богъ. Но помните, что сатанѣ это не нравится: онъ причиняетъ свое зло тѣмъ, кто прославляетъ угодниковъ Божіихъ. Я такое самъ испыталъ, когда я прибылъ на Аляску и началъ прославлять Прп. Серафима Саровскаго”.

О. Герасимъ

Паломникъ, окончившій семинарію, Г., въ самый канунъ Преображенія 1961 года прибылъ на Еловый съ стороны Пестрякова берега и заблудился. 5 часовъ бродилъ по лѣсу, пока не добрался до О. Герасима, по приглашенію котораго прѣхалъ просить у Прп. Германа указать ему путь жизни. Послѣ бднія хозяинъ уложилъ его спать, а поутру послѣ литургіи въ Калужской часовнѣ, построенной на мѣстѣ келія, гдѣ Прп. Германъ скончался, О. Герасимъ рассказывалъ о своей жизни на Еловомъ. Стояла прекрасная погода. Гуляя по окрестностямъ острова, О. Герасимъ знакомилъ семинариста съ жизнью и чудесами Преподобнаго, но ничему не поучалъ и не назидалъ. Гость впитывалъ въ себя все и ожидалъ отъ Господа помощи.

Передъ нимъ въ лицѣ О. Герасима открылся образъ подлинной ушедшей Св. Руси, какъ бы сохранившейся живой дѣйствительности пустынножительства, изъ которой вышли Прп. Серафимъ, Старцы Зосима и Василіскъ, Рославльскіе, Брянскіе, Валаамскіе. И одновременно явствовало, какъ онъ именно изъ-за этого былъ непонятъ, судимъ и гонимъ. Его одиночество обособливало его отъ путей суетныхъ, свѣтскихъ, “модныхъ” уже нехристіанскихъ и нудныхъ для искренно ищущихъ духовной жизни. Онъ невольно, но явно вызывалъ въ сынахъ міра сего зависть, осужденіе, неприязнь къ себѣ какъ къ чуждому и ставшему непонятнымъ, ибо современное общество упорно отстраняется отъ подлиннаго христіанства, Православія. Вотъ почему, думалось юному паломнику, такъ благостенъ образъ О. Герасима, что онъ не поддается этому ходу отступничества отъ подлинной Св. Руси — дѣятельно, практически, на своемъ опытѣ. Въ своемъ стояніи за святую, нынѣ распятую Русь, за Царя, за старый стиль, ортографію дореволюціонную, за вкусы и нравы той Руси, которая дала міру

великихъ святыхъ, О. Иоанна Кронштадтскаго и др. Онъ не только самъ ими окрасился и источникъ благолѣтія, но дышалъ какъ бы нѣкоей энергіей, могущей зажечь соприкоснувшегося съ нимъ. Молодой человекъ понялъ при тщательномъ наблюденіи, что О. Герасимъ обладалъ нѣкоей

Братія передъ храмомъ въ честь Прп. Германа Аляскинскаго, построеннымъ ими къ 1000-лѣтію крещенія Руси, по плану Игумена Назарія Валаамскаго, время жительства Прп. Германа на Валаамѣ.

“силой”, которая почти исчезла у современных христианъ и даже пастырей, отсутствие которой дѣлало все церковное и околочерковное ужасно скучнымъ. Но въ то время, какъ мѣръ жаждетъ духовной жизни и ищетъ ее въ совсѣмъ неподходящихъ мѣстахъ, Отецъ Герасимъ сидѣлъ въ почти недосигаемой пустыни дремучаго лѣса.

Спустился туманъ, стать накапываетъ дождь. Чтобы разсѣять нахлынувшее уныніе отъ думъ о безвыходности Православія въ XX-омъ вѣкѣ, Г. взялъ книгу Е. Поселянина о Русскихъ Подвижникахъ Благочестія и открылось ему о Прп. Серафимѣ Саровскомъ то мѣсто, гдѣ святой, отвѣчая на вопросъ паломника, почему такъ духовно бесплодна дѣятельность того времени, сказалъ: “Потому что нѣтъ РЪШИМОСТИ”. Тутъ внезапно, какъ молнія, освѣтила Г. благая мысль: вѣдь онъ самъ никогда не дѣлалъ шаговъ рѣшимости, предписанный каждому при крещеніи. Въ младенчествѣ это общаніе Богу какъ бы умереть для Бога дѣлаетъ за младенца крестный восприемникъ, при словесіи, что въ сознательномъ возрастѣ новокрещенный даетъ самъ такой обѣтъ “пакибытія”, т.е. новой жизни во Христѣ умереть міру во злѣ лежасему. Но онъ этого не дѣлалъ, когда выросъ и сознательно пришелъ къ Православію. Онъ не “заклялъ” себя Господу, поэтому, думалось ему, его духовная жизнь бесплодна. Вмигъ онъ сорвался съ пня, на которомъ сидѣлъ у источника, читая Поселянина, и помчался въ часовню, построенную надъ могилой Прп. Германа, но мощи его лежали наверху въ часовне справа въ особой гробоподобной рацѣ.

Припавъ къ ней, у него какъ бы вырывалась изъ сердца вся душа. Онъ обратился къ Прп. Герману, какъ къ живому свидѣтелю, что онъ вотъ отдастъ свою душу Богу на жизнь и смерть, — и застылъ! Въ этотъ моментъ исходящій изъ гроба тихій спокойный, но отчетливо слышимый голосъ отвѣтилъ ему совершенно реально, какъ бы взамѣнъ того, что онъ душу свою отдалъ Богу. Голосъ сказалъ “Мечтай!” Молъ, принята твоя слава души, теперь проси, что хочешь. У него мелькнула мысль, не прелестъ ли это, не померещилось ли ему? Но на душѣ былъ миръ и увѣренность, что самъ Прп. Германъ его услышалъ и что если это такъ, онъ промолвить мысленно, то онъ желаетъ бы имѣть такого же “идиота”, какъ и онъ самъ, кто бы понималъ его. Хотѣлъ уйти, не вѣря себѣ, какъ вдругъ снова раздался голосъ Прп. Германа, какъ бы въ подтвержденіе, что такъ и будетъ: “И еще что?” Не вѣря своему слуху, но все же, если все это дѣйствительность, а не воображеніе (ибо онъ былъ наученъ не довѣрять себѣ), онъ рѣшилъ riskнуть и отвѣтить, что если это все наяву, то пусть Прп. Германъ поможетъ устроить что-то вродѣ нѣкоего соединенія единокружныхъ братьевъ, дабы прославить имя Старца Германа. Боясь услышать снова

голосъ, онъ вскочилъ и въ духовномъ ужасѣ выбѣжалъ вонъ.

Ему хотѣлось подѣлиться съ О. Герасимомъ, но въ этотъ моментъ прибыли гости къ нему по случаю воскресенья. И онъ промолчалъ. Позже какъ-то тоже не получалось. Единственное, что повторялъ О. Герасимъ, не слушая его, приглашеніе прѣхать жить на Еловомъ. Но самъ сознавая, что это нереально, онъ тихо пробормоталъ: “Не забывайте Старца Германа, надо поддерживать монашескую лампаду на Еловомъ. Прѣзжайте, Старецъ васъ приметъ, какъ онъ ласково принялъ меня”. Даже въ Братство онъ мало вѣрилъ, имѣя горькій опытъ со “власть имущими”.

Когда на Успеніе О. Герасимъ провожалъ, то слезы у него лились, зная, что прощаются навѣки. Но Г. убѣждалъ уже инымъ человѣкомъ; хотя и не вѣрилъ себѣ, но ощущалъ нѣкій огонекъ, явно зажегшійся въ сердцѣ и тайно мерцающій надѣждой на исполненіе обещаннаго Старцемъ Германомъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, еще не вернувшись домой послѣ паломничества, Г. встрѣчается съ неправославнымъ американцемъ Евгениемъ Роузомъ и говоритъ ему о Прп. Германѣ, а черезъ годъ въ день памяти Старца Германа 5 братьевъ основываютъ въ городѣ Сан-Франциско Братство его имени на квартирѣ у Евгенія, къ этому времени уже принявшему Православіе. О. Герасимъ благословляетъ Братство, съ просьбой поддерживать “монашескую лампаду на Еловомъ”, посылать въ “основу” мѣдную икону, имъ найденную на Новомъ Валаамѣ и 25 долларовъ, съ чего началось мисіонерское дѣло у Братства.

Въ 1963 году святой Архіепископъ Іоаннъ Санъ-Францисскій благословляетъ Уставъ Братства. Къ концу года появляется книжный магазинъ какъ база мисіонерской дѣятельности, издается журналъ *Orthodox Word* съ дѣльной ознакомленія съ Прп. Германомъ. Это послужило, уже послѣ кончины обоихъ основоположниковъ, Архiep. Іоанна и О. Архим. Герасима, къ самому прославленію Прп. Германа. Братство собрало и опубликовало всѣ существующіе свидѣтельства чудотворенія преподобнаго, издало житіе и составилъ службу, издало ее и въ англійскомъ переводѣ. Ими же написана и первая икона святого. Къ этому времени Братство уже приобрѣло землю и перѣехало въ пустынный горы Калифорніи съ печатными машинами для изданія своего журнала “Православное Слово”, отложивъ временно попытку перебраться на Еловый изъ-за церковныхъ нестроений тамъ, и невозможности тамъ жить и печатать журналъ. Но зовъ О. Герасима “поддерживать монашескую лампаду” никогда не покидалъ ихъ.

Въ день кончины О. Герасима, не зная того, что онъ умираетъ, двое изъ братьевъ рѣшили изслѣдовать

неизвѣстныхъ окрестности ихъ гористаго лѣса и заблудились не на шутку. Настала ночь. Въ этихъ мѣстахъ водятся медвѣди и пумы. Фонарика у нихъ не было съ собой и они должны были руководиться звѣзднымъ небомъ, благо, что калифорнійское небо обычно безоблачно. Невольно вспомнился имъ страхъ первого посѣщенія Еловаго, гдѣ одинъ изъ

нихъ блуждалъ 5 часовъ въ сѣверныхъ дѣбряхъ передъ встрѣчей съ О. Герасимомъ. Усиленно молились, чтобы выйти на дорогу и не попасться въ медвѣжье логовище, которое они видѣли еще при дневномъ свѣтѣ. Какъ-то удивительно близко былъ въ эту ночь О. Герасимъ. Дали обѣтъ при первой возможности сдѣлать попытку исполнить обѣщаніе переехать на Еловый. Подулъ сильный вѣтеръ съ запада и они услышали звукъ пробѣгающей машины и вышли съ другой стороны горы. Вскорѣ они

получили извѣстія, что въ тотъ день и часъ, въ 10:30 ночи скончался О. Герасимъ, и тогда, именно въ тотъ моментъ они нашли дорогу и вышли!

Жизнь въ имѣ созданномъ пустыннымъ скиту, такъ называемой Свято-Германовской Пустыни, была подготовленіемъ для Еловаго, хотя она и длилась 14 лѣтъ. Въ ночь на Успеніе 1982 года внезапно смертельно заболѣваетъ О. Серафимъ (Евгеній Розъ). Послѣ операціи врачи дали ему 2-3 дня жизни. Онъ уже говорить не могъ, во рту у него была вставлена трубка. Едва дыша, онъ внимательно слушалъ панику своего собрата: "Врачи приговорили тебя на смерть. А что же насчетъ обѣщаній на Еловый?" Промычалъ черезъ трубку, дѣлая перстосложеніе рукой въ благословеніе, выдалъ: "Побѣждай на Аляску!" Послѣ невѣроятныхъ мученій О. Серафимъ скончался какъ праведникъ, такъ и не увидевъ на землѣ Еловаго Острова, хотя всю свою краткую жизнь православнаго христіанина онъ съ благоговѣніемъ молился Прп. Герману и тотъ не разъ таинственно помогать ему.

Послѣ его смерти его сотоварищъ, оставивъ всю братію, полетѣлъ на Пасху на Еловый, дабы у Прп. Германа испросить, какъ дѣйствовать дальше. Прилетѣлъ въ Великую Субботу, отслужилъ одинъ литургію и началъ очищать отъ плесени храмъ надъ могилой преподобнаго и пустующую келью О. Герасима, которая послѣ его смерти осталась 18 лѣтъ безъ

перемѣнъ, какъ бы ожидающей новыхъ обитателей. Все было такъ же, какъ онъ помнилъ, когда приглашалъ его О. Герасимъ переселиться въ его возлюбленную пустыньку. И теперь онъ явился въ ожидающую его келью. Удивительно ясно представилось прошлое, уютное, родное, только труба печки сгнила и дождикъ поливать полъ, отъ чего покоробились доски пола и стоялъ запахъ гнили.

Цѣль его возвращенія была совершенно определенной: исполнить ли желаніе О. Герасима, сохра-

нить память заброшеннаго подлиннаго пустынника или забыть его, предать забвенію и не дѣлать попытки сохранить иноческое обиталище для новаго поколѣнія монаховъ, часть которыхъ уже подвизались ради Прп. Германа у него въ Калифорніи? Или, помня желаніе первого создателя Прп. Германа, приложить всѣ усилія и перевести часть своихъ братій. О. Герасимъ выстоялъ неоднократныя попытки выжить его съ острова, выплакать у Господа смѣлое стояніе въ Святорусской вѣрности старому традиціонному Монашескому идеалу, сохранилъ мощи Прп. Германа (хотя послѣ смерти ихъ забрали въ мірской приходъ, не оставивъ и частички мощей на мѣстѣ его земныхъ подвиговъ).

Вставъ до полуночи, онъ вышелъ въ темную теплую весеннюю ночь. Отъ келіи О. Герасима было 300 шаговъ до главнаго храмника въ честь Прпп. Сергія и Германа Валаамскихъ, гдѣ самъ Прп. Германъ во услышанье обѣщаль ему (и сдержалъ свое слово) помочь тогда. Поможетъ ли онъ теперь одолѣть страхи и пополнить монахами его Новый Валаамъ?

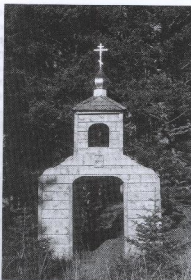
Монашескій заливъ: провожающей паломниковъ, въ слезахъ, О. Герасимъ.

Имѣть ли онъ право потрудиться на его островъ, зная, что это вызоветъ зависть у "власть имущихъ", которые, какъ и Епископъ Алексѣй, неспособны даже понять психологию пустыннолюбцевъ?

Ночью во время пасхального служенія онъ вспомнилъ, какъ Прп. Германъ явился О. Герасиму, когда тотъ въ трепетѣ скорбѣлъ, желая перебраться на Еловый поближе къ преподобному, говоря: "Не бойся, это я звоню пасхальнымъ звономъ... Не скорби. Потерпи". И дѣло было рѣшено! О. Герасимъ приобрѣлъ храбрость, дерзнованіе, и Богъ его не оставилъ. Профѣвъ "Христосъ Воскресе" Прп. Герману и О. Герасиму, разговѣвшись у О. Герасима въ кельѣ пасхальной пищей, поданной добрымъ мѣстнымъ батюшкой, О. Иосифомъ К. Г., какъ и встарь при О. Герасимѣ, заснулъ на его лодѣ сладкимъ пасхальнымъ сномъ.

Проснувшись въ полдень, послѣ пасхальной вечерни, онъ пошелъ пѣть Пасху по лѣсу къ океану. Глядя, а море поспрѣло, высокая волна, вѣтеръ свищетъ и съ острова ужъ не выйдешь... и онъ застрялъ на необитаемомъ островѣ!

За это время ежедневно служилъ и умолялъ Господа указать дальнѣйшій путь, т.к. непогода могла продолжаться болѣе мѣсяца, а припасовъ не было. Появился страхъ за существованіе. Но О. Герасимъ былъ близко. Разъ отъ холода и унынія

Звонница при входѣ въ Срѣтенскую часовню, восстановленную на мѣсте часовни Прп. Германа, на берегу монашескаго залива. Построена монахомъ Андрѣемъ, 1998 г.

заскорбѣлъ. Рѣшилъ просмотрѣть старые журналы и газеты, сохранившіеся на полкѣ, сырые и разваливающіеся отъ плесени. Взявъ случайно попавшійся журнал*, онъ замѣтилъ большими четкими буквами рукой О. Герасима написано на обложкѣ: "Прочтите мою статью о нашихъ небесныхъ друзьяхъ". (Какъ живымъ его присутствіемъ подулъ ему въ затылокъ. Ему ажъ страшно стало, какъ близко онъ былъ, точно стоялъ за спиной. Надо же въ такой моментъ наткнуться на слова, десятки лѣтъ назадъ написанные о загробномъ мірѣ. Заканчивалось такими словами: "...Храни вѣру въ Бога, стяжи любовь къ Богу и ближнему, и ты ясно почувствуешь, что у тебя есть и въ духовномъ мірѣ друзья, молитвенники за тебя предъ Господомъ Богомъ. Аминь. А. Г.")

В субботу вѣтеръ стихъ и занемъ прѣехали добрые алеуты,

согрѣли, напоили, накормили, и онъ явился домой въ свой монастырь и заявилъ, что пришла пора ѣхать на Еловый къ Прп. Герману. Испросивъ благословеніе у Митрополитовъ Филарета и Θεодосія на поѣздку въ видѣ паломничества, половина братія готовилась въ путь, лелѣя надежду поселиться на Еловомъ.

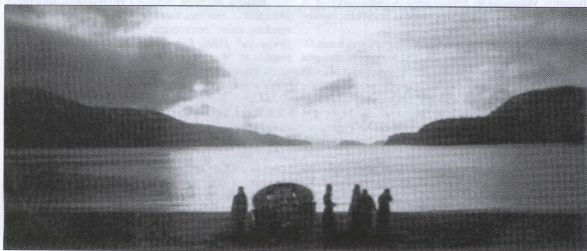
*"Хлѣбъ Небесный", Харбинь № 16 за 1940 годъ, стр. 40. Текстъ статьи приводится ниже.

Прѣздъ монаховъ, за крестомъ сарай на Монашескомъ Заливѣ. Справа налѣво: Николай Пестряковъ, братъ Михаилъ, монахъ Герасимъ, Игуменъ Германъ, монахи Дамаскинъ, Аванасій, братъ Петръ и инокъ Іувеналій.

Впервые монахи прѣбыли въ 1983 году, а въ 1986 году прѣбыли монахини на сѣмѣну. На фото слѣва направо: иноки Адрианъ, Діонисій, Герасимъ, Мартирій, Паисій, Никодимъ, инокини: Гавриіла, Серафима, Нила

На фоне пролива Узкого, Еловый справа. Прибытие монахов на Новый Валаамъ (фото М. Софин)

IV. ПРИБЫТИЕ СВЯТО-ГЕРМАНОВСКИХЪ ИНОКОВЪ

На Преображение 1983 года было рѣшено выѣхать игумену съ половиной братиѣ, и къ нимъ присоединилось еще 3 паломника и одна благочестивая женщина, впоследствии ставшая черничкой, Варвара (Рокморь). Въ Кадьякъ ихъ встрѣтилъ добрый алеутъ Николай Пестряковъ, предокъ котораго былъ ученикомъ Прп. Германа. На своемъ катерѣ онъ привезъ ихъ въ Монашескій Заливъ и на лодкѣ причалилъ къ завѣтному берегу Новаго Валаама.

Семь черныхъ иноческихъ фигуръ припали со слезами въ земномъ поклонахъ ко св. землѣ, по которой ходили преподобническiя стопы “единого отъ древнихъ”, принесшихъ въ Америку благодать живой Св. Руси. Всѣ послѣдовали по узкой тропинкѣ въ храмъ, что надъ могилой Прп. Германа для благодарственной молитвы и, начиная съ вечерни того дня, съ той вечерни и по сей день, пошла на Еловомъ островѣ непрерывная цѣль суточнаго богослуженiя, иноческаго Правила — вотъ уже 21 годъ.

Тамъ же во время этого богослуженiя было совершенно первое посвященiе въ послушники будущаго Иеромонаха Дамаскина, а на Успѣние другого брата постриженiе въ иноки О. Ювеналия. А въ рѣчкѣ, что возлѣ залива, одного изъ паломниковъ - оглашеннаго крестили въ тотъ же день. Спать до полунощницы улеглись такъ: въ келии О. Герасима игумень съ однимъ монахомъ, въ рядомъ находящейся Калужской часовнѣ сестра Варвара, и

“Дитя мое, помни, на этомъ мѣстѣ будетъ со временемъ монастырь.” Прп. Германъ

ей дано было послушанiе будильщика бить въ гонгъ, что при входѣ (колоколь, преподиссенный Старцу Герману Барономъ Врангелемъ, давно исчезъ), а другiе монахи улеглись въ храмъ и въ сараѣ, что на берегу моря, спали съ паломниками. Наступила ихъ первая ночь у Прп. Германа. Послѣ иноческаго правила съ Иисусовой молитвой (пятидесятицей) стуснулось благоговѣйное ощущенiе нѣкоего страха. Шумѣлъ лѣсъ, но грохота моря не было слышно.

Въ установленное время, “зело рано”, по валаамскому уставу сестра Варвара вышла на свое послушанiе и, къ ея удивленiю, со стороны моря несло удивительно стройное унисонное хороное пѣнiе! Будучи церковной хористкой, ей показалось, что это столповое пѣнiе мужскихъ голосовъ. Оно волнами двигалось, то замирало, то вновь оживлялось, и какъ будто шло съ разныхъ сторонъ. Она удивилась, что монахи могли такъ пѣть, но монахи спали въ часовнѣ въ противоположной сторонѣ. Потомъ пѣнiе снова пролилось по темному лѣсу, но съ другой стороны. Не понимая, въ чемъ дѣло, думая, что ей помешрилось, она вернулась въ часовню и пропѣла акаеиствъ, ожидая пробужденiя монаховъ. Ихъ долго не было, но когда они проснулись, то никакого пѣнiя не слышали. Таинственное пѣнiе могло бы обозначать привѣтствiе небесныхъ монаховъ по случаю прибытiя столь долгожданныхъ земныхъ! Такъ разудала весьма трезво мыслящая

Варвара, ухавшая на другой день съ паломниками. А монахи остались, по приглашенію алеутовъ, зимовать.

Не успѣли монахи расчистить сарай, гдѣ жилъ О. Сергій, какъ пришелъ гонецъ отъ мѣстнаго архіерея сказать, что появленіе монаховъ неслетательно (тогда какъ алеуты, хозяйева этихъ мѣстъ, очень приглашали монаховъ) и что черезъ два-три дня онъ самъ явится. Монахи, видевшіе какъ сторель храмъ въ Платине и предположившіе, что это было знакомъ къ переселенію, сказали: "Отецъ Игумень, Благословите насъ, не быть послушными Вамъ, если архіерей заставитъ Васъ за лже-послушаніе выгнать насъ съ Елового острова. Мы прибыли по приглашенію О. Герасима для того, чтобы у Прп. Германа были монахи, и мы готовы зимовать, не покидая острова, конечно, если наше присутствіе будетъ угодно самому преподобному".

Каждое утро они литургисали, усердно молясь дать имъ, калифорнійцамъ, почувствовать настоящей подвигъ. Въ канунъ прїѣзда архіерея, совершивъ всеночное бдѣніе съ литургіей Св. Архистратига Михаила и небеснымъ силамъ (память ихъ чуда у Хонехъ 6-го Сентября), они тамъ же въ часовніи отъ страха предстоящаго переживания буквально свалились и спали на полу какъ убитые. Отецъ игумень видѣлъ въ тонкомъ снѣгѣ, ясно какъ назву, Архiepископа Іоанна, благословившаго Братство 20 лѣтъ тому назадъ. Они какъ бы явились сюда въ часовню, быть въ пурпуровомъ облаченіи и, смотря прямо въ лицо, сказали ему: "Не бойтесь быть епископомъ". И онъ проснулся въ радостномъ расположеніи духа, какъ бы окрыленный вѣтромъ.

в. СТРОИТЕЛЬСТВО ПУСТЫНИ

У 1. СВ. МИХАЙЛОВСКИЙ СКИТЬ

Удо отъ Св. Архистратига Михаила въ день его праздника заключалось въ томъ, что во временномъ телдомъ помѣщеніи въ Pleasant Harbor на берегу красиваго залива монахи могли въ теплѣ прожить зиму и начать строить скитъ по аеонскому образцу изъ стройматериала, который имъ дали безплатно за разборку стараго зданія бывшаго рыбнаго завода. Днемъ разбирали и таскали доски двѣ мили въ гору, а вечерами вычитывали монашеское правило. По праздникамъ ходили черезъ болота, перепрыгивая потоки и ручьи, черезъ лѣсныя дебри къ О. Герасиму на могилку.

Чтобы имъ досадить, были повѣшены большіе замки на дверяхъ обѣихъ часовенъ и келіи О. Герасима, вездѣ, кромѣ сарая, т.к. онъ принадлежалъ рыба-

Визитъ архіерея оказался типичнымъ: онъ быть убѣжденъ, что прибывшіе "разбойники" имѣютъ предписаніе водворить "чужую" юрисдикцію, "украсть" Прп. Германа, т.е. совершенно игнорировать надъ-юрисдикціонное пустыннолюбіе, чѣмъ жили и Прп. Германъ, и О. Герасимъ. "Я вижу, что вы идеалисты, поэтому уѣжайте отсюда вонъ - сразу же!" — въ гнѣвъ заключилъ онъ, но затѣмъ смягчился, когда монахи кротко просили его благоволить имъ пожить тутъ еще нѣскольکو дней, до дня Прп. Сергія и Германа Валаамскихъ. Игумень далъ обѣщаніе, что онъ уѣдетъ и что на мѣстѣ ихъ сарая никто не останется (сарай между тѣмъ принадлежалъ алеутамъ, ихъ корпораціи, а не архіерею). Тутъ добрый Николай Пестряковъ предложилъ имъ снятъ на зиму домикъ на разстояніи 4-хъ миль отъ келіи О. Герасима у рыбаковъ Опхаймъ, крестниковъ О. Герасима, и съезъ къ нимъ на своей лошади. Эти соборы оказались добрыми людьми, слали въ аренду маленькій домикъ и даже предложили купить у нихъ участокъ на красивомъ холмѣ съ видомъ на "Монашескую скалу". И, о чудо! Въ тотъ же день они переехали въ теплый удобный домикъ, дали задатокъ и купили мѣсто для скита, который посвятили Архистратигу Михаилу, небесному покровителю въ міру обоихъ покровителей Братства: Архiepископа Іоанна (нынѣ святого) и Архимандрита Герасима! И закипѣла иноческая молитва на радость небеснымъ таинственнымъ инокамъ... Игумень посылитъ при отѣздѣ архіерея, и ему не нужно было давать лже-послушаніе своимъ инокамъ. И они подвизаются добрымъ подвигомъ на Еловомъ даже и донныѣ.

"И какъ я благодарю Бога, Божію Матерь, Преподобныхъ Серафима и Германа, что они вынули мнѣ переехать въ пустыню! Я не скрою, что врагъ нападалъ на меня за это." О. Герасимъ

какъ. Но и тутъ Богъ ихъ не оставлялъ за ихъ беззаветную преданность Богу и святымъ. Первую Пасху на Еловомъ провели оставшихся только двое, остальные изъ страха гоненія покинули островъ. Рѣшено было Пасхальныя службы провести съ О. Герасимомъ въ холодномъ сараѣ. Пошелъ сильный снѣгъ. Еле добравшись черезъ сугробы въ холодный баракъ, они все же рѣшили встрѣтить саму Пасху у могилы О. Герасима, дабы первое пасхальное восклицаніе было ему. Свѣчи гасли при сильномъ снѣгопадѣ, но они смѣло трижды обошли могилу пасхальнымъ крестнымъ ходомъ и похристосовались съ нимъ, разбивъ по яичку обѣ его могилный крестъ. Никто бы такъ не могъ понять переживания такого справленія Пасхи, какъ сами забытые хозяева

Новый Валаамъ на Монашескомъ Заливѣ, строящийся главный храмъ Прп. Германа съ колокольней, за бѣлымъ крестомъ сарай епископа Алексѣя. Пикъ Прп. Германа сънять строящийся храмъ

«Новаго Валаама»- Германъ и Герасимъ! «Христосъ Воскресе», пели они забытые міромъ, «Воистину Воскресе» откликнулся льсъ.

Быль такой случай: подошелъ О. Дамаскинъ къ запертой двери часовни и на него смущенно смотритъ замок-комбинаторъ, нельно запрѣшающій германову монаху войти въ свой храмъ. Больно ему стало не за несвинный замок, не за себя дрожащаго отъ холода, даже не за повѣсившаго этотъ «запрѣтъ», но за святыхъ хозяевъ, призывавшихъ къ себѣ «подобныхъ имъ монаховъ, убѣгающихъ славы человѣческой». Куда же имъ деться, если не къ основателю монашества для американцевъ? Евангельская собака на снѣгъ вспомнилась ему, сама не живеть и другимъ не даеть. Подумаль, какая же можетъ быть комбинація? Потрясъ замокъ и набралъ первую попавшую въ голову, наугадъ, комбинацію, и — о чудо! — дверь открылась! Самъ преподобный открытъ! Оказалось, что всѣ замки такъ же открывались. Силу этого пойметъ только тотъ, у кого душа съ Богомъ.

Строили скитъ въ два этажа съ башней въ третій этажъ, на востокъ, по-аѳонски. Мимо проходящіе пароходы-лайнеры слѣдили за ходомъ строительства.

Люди начали прѣзжать помогать строить и черезъ годъ перѣехали въ свой скитъ и зажили по-мона-

шески. А на Германовскихъ мѣстахъ все продолжалось съ разрѣшенія «власть имущихъ», которые нашли сторожа, даже постригли его въ монахи съ именемъ Герасима, въ пикъ новому скитонаачальнику, но онъ, подобно прежнему О. Ильѣ, больно скучаль и, оставивъ гору окурковъ, разбитый радиоприемникъ и полную полку мясныхъ консервовъ, покинулъ Еловый островъ въ поискахъ иного еклезиастически одобренного «послушанія».

2. СВ. GERMANOVSKAYA PUSTYNYA V PLATIN

Къ этому времени въ Калифорнію, по молитвамъ О. Серафима, пошелъ потокъ жаждущихъ истиннаго Православія и пополнилось Братство въ Платинѣ. Нужно было заново построить Свято-Германовскій монашескій храмъ, сторванный вскорѣ послѣ кончины О. Серафима, перель самымъ Рождествомъ 1982 года.

Еще при жизни О. Серафима въ обители появились 4 двѣшники, жаждущія жить тоже въ пустыни (одна изъ нихъ даже уже жила неподалеку въ пещерѣ). Съ благословенія аѳонскаго Старца Схимонаха Никодима было положено начало женскаго скита въ честь современницы Прп. Германа, Блаженной

Ксении Петербургской въ разстояніи 10-ти миль отъ Свято-Германовской Пустыни. Сестры сами построили храмъ и брвенчатяя келья изъ дѣса на собственной землѣ. Конечно, все было примитивно, но не оставлено О. Серафимомъ послѣ смерти: его видѣли ночью обходившимъ съ дозоромъ вокругъ скита, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти. Точно такъ видѣли и Блаженную Ксению, охраняющую свой скитъ отъ медвѣдей и разбойниковъ. Когда понадобились монахи строить храмъ въ Платинѣ, то взаимно послали монахинь на Аляску, благо, что скитъ тамъ уже былъ болѣе менѣе построенъ, куда они прибыли и продолжали монашескій уставъ почти 10 лѣтъ, радуясь, что смогли хоть частично продолжать установленный Прп. Германомъ при Софіи Власовой женской монашескій подвигъ. Только новыя насѣльницы “Новаго Валаама” Свято-Михайловскаго скита занимались вмѣсто воспитанія дѣтей переводомъ святыѣхъ монашескихъ твореній съ разныхъ языковъ: греческаго, русскаго, румынскаго, французскаго, а братья въ Платинѣ ихъ публиковали. Благо, что съ 1965 года непрерывно, по миссіонерскому почину Прп. Германа, не только издавали журналъ “Православное Слово” (съ благословенія Архіепископа Иоанна), но и книги тысячами тиражами, расходящіяся и по сей день по всему міру, благодаря тому, что англійскій языкъ сталъ универсальнымъ.

Къ юбилейному году тысячелѣтія Крещенія Руси въ 1988 году уже былъ построенъ самими монахами пятиглавый большой храмъ въ честь Прп. Германа, съ нижнимъ въ честь Прпп. Сергія и Германа Валаамскихъ.

Нездалогу до этого основано, по благословенію бывшаго Валаамскаго инока Епископа Марка Санъ-Францискаго и Ладожскаго, “Валаамское Общество Америки” съ цѣлью перебросить миссіонерскую деятельность черезъ океанъ въ возрождающуюся Россію съ возобновленіемъ популярнаго дореволюціоннаго журнала “Русскій Паломникъ” для русскіѣхъ, разбѣянныхъ по лишу вселенной. Просто чудомъ удалось возродить его съ помощью хлынувшей по таинственному зову О. Серафима духовной смѣны потенциальныхъ монаховъ.

Жалко откликнулись американцы, прося ихъ крестить, что братья совершали въ горномъ потоцѣ возлѣ обители и въ рѣчкахъ и озерахъ разныхъ штатовъ. Съ тщательной подготовкой оглашенія

игуменъ Г. крестилъ болѣе 600 человекъ и одновременно вдохновлялъ новообращенныхъ открывать мѣстныя миссіи какъ продолженіе дѣятельности Прп. Германа съ туземцами въ видѣ малыхъ книжныхъ лавокъ съ часованиями, гдѣ ежедневно вычитывались бы часы и акафисты, привлекая вниманіе прохожихъ иконами и церковнымъ пѣніемъ, и бесѣдами. Такимъ образомъ создалось и пополнение въ пастырствѣ.

3. У РУССКОЙ РѢЧКИ - СЛАВЯНКИ

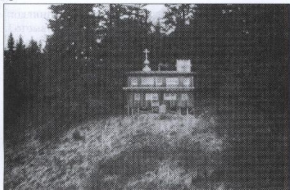
Еще при жизни О. Серафима, въ лѣтнее время при скопленіи паломниковъ, въ связи съ празднованіемъ памяти Св. Германа дѣлались попытки нѣкихъ духовныхъ курсовъ, т.е. читались лекціи съ экзаменами и награжденіями, такъ называемая “Ново-Валаамская Богословская Академія”, какъ принято въ Америкѣ дѣлать для юношества. Это тоже

оказалось очень интересно для молодежи. Черезъ Академію прошло немало сотенъ молодыхъ людей, одновременно знакомящихся съ монашескимъ укладомъ жизни, богослуженіемъ и идеаломъ жизни Св. Руси, жившей по *Добротолобію*, которое Прп. Германъ привезъ съ собой и распространялъ впервые въ Америкѣ.

Въ 1991 году, дабы расширить образовательную дѣятельность, часть братіи заняла предложенное имъ имѣніе вблизи Русской Рѣчки - Славянки, недалеко отъ русскаго селенія Фортъ Россъ. Туда съ Аляски прибыли наши русскіе съ надеждой выращивать продукты питания для аляскинскихъ колоній. Тамъ даже бывалъ одинъ ученикъ преподобно-германовской школы. Также оттуда былъ вывезенъ на мученическую смерть Алеутъ Петръ, услышавъ о которомъ Прп. Германъ произнесъ первую къ нему молитву какъ къ святому. На этой же Русской Рѣчкѣ духовникъ Братства, рукополагавшій въ іеромонахи первыхъ братіи, Епископъ Нектарій (Концевичъ) мечталъ основать скитокъ съ уставомъ наподобіе Оптинскаго Скита, въ которомъ онъ выросъ. Ему даже мечталось установить тамъ чинъ “неуспѣвающихъ” съ безпрестаннымъ чтеніемъ Псалтири. При жизни ему не удалось основать такой скитъ. Но зато Божіимъ провидѣніемъ, по его молитвамъ, помѣстье, предложенное Свято-Германовскому Братству, оказалось вблизи Русской Рѣчки, и въ немъ былъ устроенъ скитскій уставъ въ честь Прп. Паисія Величковскаго, въ день кончины котораго 15-го

Обитель-аббатство Прп. Паисія въ Калифорніи. 1999 г.

Михайловскій Скитъ высится надъ болотомъ. 1985 г.

Въ трапезную превращенная банька алуца Васьки.

Ноября, скончался также и Прп. Германъ, да и духъ котораго бережно воспитывался въ Предтеченскомъ Скиту въ Оптиной, духовной колыбели Епископа Нектарія. Сюда скопились сестры съ Аляски, создавъ Паисіевскую школу и Лицей для молодыхъ дѣвицъ, многія изъ которыхъ приняли иночество. А братія поспѣшили къ Прп. Герману устраивать иноческую жизнь на Еловомъ.

4. ЖИЛИ ВЪ БАРАБАРАХЪ

Въ 1994 году, къ двухсотлѣтію прибытія Валлаамскихъ монаховъ на Аляску, игумену захотѣлось, чтобы его первыхъ два монаха были рукоположены въ Санктъ-Петербургѣ, точно когда 200 лѣтъ тому назадъ Митрополитъ Петербургскій Гавриилъ преподавалъ священный санъ монахамъ для Аляски и Америки. И, о чудо! Почти въ тѣ же дни, Собора Американскихъ Святыхъ, блаженной памяти Митрополитъ Іоаннъ (Снычевъ) Петербургскій и Ладожскій рукоположилъ для Аляскинскаго Братства "убогаго Старца Германа" своихъ служителей алтаря. Это смутило завистниковъ, такъ что воспрещали монахамъ придти въ храмъ въ Кодьякъ для поклоненія св. мощамъ

Прп. Германа. Но Богъ поругаемъ не бываетъ. Самаго гонителя постигло гоненіе, архіерея убрали и на его мѣсто послали доброй души архипастыря Иннокентія, благосклонно относившагося къ Братіи. Братія къ этому времени занялась устройствомъ пустынножительнаго жилья на мѣстѣ пріюта Прп. Германа на берегу Монашескаго Залива.

Бывшую баньку алуца Васьки отцы Іоасафъ и Теофилъ превратили въ трапезную. Начали копать и строить землянки—"барбары" (въ какихъ жилъ самъ Прп. Германъ) по образцу, сохранившемуся въ памяти у мѣстнаго старожила Николая Эдварда Опхайма. Вырывалась яма, ставились вертикально столбы изъ моремъ принесенныхъ бревенъ, и все запихивалось свѣжимъ мхомъ. Такихъ поставили три на разстояніи брошеннаго камня, и то не хватало, т.к. начали прибывать многіе молодые искатели приключеній, но только нѣкоторые изъ нихъ выдерживали такой сырой образъ жизни.

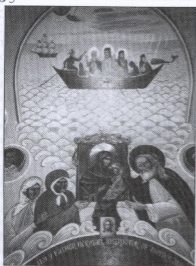
Отецъ Андрей построилъ Срѣтенскую часовню со звонницей на предполагаемомъ мѣстѣ давно исчезнувшей часовни, построенной при Врангелѣ (колоколь, который Прп. Германъ просилъ у Врангеля и

Барабара-землянка, построенная какъ было при Прп. Германѣ, въ ней подвизались монахи Феодоръ и Іоаннъ.

Строющійся главный корпусъ на Монашескомъ Заливѣ. На снимкѣ сѣверный флигель и колокольня, 1998 г.

Слѣва: Стѣнная роспись въ Срѣтенской часовнѣ: Приѣздъ монаховъ въ 1794 г., навѣрху, и Софья съ Маріей и Прп. Германомъ держать икону во время потопа. Справа: Стѣнная роспись въ Михайловскомъ Скиту, 1997 г.

получилъ, тоже исчезъ). Отцы Мартирій и Германъ расписали часовню внутри, съ овалами американскихъ святыхъ и видами изъ жизни Прп. Германа.

Съ разрѣшенія председателя корпорации Еловаго, Анди Андерсона, установили лѣсопилку для бревень, выброшенныхъ моремъ, назвавъ эту часть острова Соловками, и приступили къ постройкѣ сѣвернаго флигеля на берегу залива съ высокой башней, могущей быть и маякомъ.

Какъ обычно, добраго пастыря оклеветали, и Владыку Иннокентія убрали съ Кадыяка, въ изгнаніи онъ немного помучился и скоропостижно скончался въ храмѣ на Пасху! Не угодна оказалась дѣятельность и свято-германовщевъ. Анди Андерсонъ въ гнѣвъ издалъ официальный запретъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ въ пьяномъ состояніи скоропостижно скончался, такъ что никто съ нимъ и попороться не смогъ. Прп. Германъ его убралъ. Но пылъ у братіи немного погасъ. Однако оставшаяся братія, со временемъ, прекрасно отремонтировала всѣ старые зданія. Засіялъ на солнцѣ новый золотой куполъ надъ стодѣтной часовней, что надъ могилой Старица Германа!

5. НИЛО-СОРСКІЙ СКИТЪ

Но самое большое достиженіе Братства "Новаго Валаама" — это создание "Аюна" для женщинъ, Скита въ честь Прп. Нила Сорскаго на близлежащемъ островѣ, принадлежащемъ доктору Нельсону, котораго О. Герасимъ въ свое время привелъ въ Православіе и сталъ его крестнымъ отцомъ. Какъ и когда онъ приобрѣлъ этотъ островъ, лежащій посреди Узкаго Пролива къ югу отъ Еловаго, между нимъ и

Кадыякомъ, намъ неизвѣстно. Но послѣ его смерти унаслѣдовавшіе его не знали, что съ нимъ дѣлать, и онъ въ разное время давалъ приближissime разнымъ случайнымъ людямъ.

Есть предположеніе, что Прп. Германъ при пересѣченіи на байдаркѣ Узкаго Пролива, чтобы попасть на Кадыякскій Островъ, могъ пользоваться имъ для отклоненія на полути. И очень можетъ быть, что тамъ жили сестры Старица Германа, тѣмъ болѣе, что на противоположномъ берегу сеть бухта подъ названіемъ "Монашка".

Длина острова примѣрно въ километръ, ширина меньше. Есть источникъ съ пресной водой. Съ южной стороны высокой берегъ, утесистый, и тамъ приближissime мѣстнымъ птицамъ, а нынѣ отшельницамъ. Тула съ разрѣшенія хозяевъ, проживавшихъ на Гавайскихъ островахъ, поселились 3 сестры въ старомъ домѣ, построенномъ на мѣстѣ зданія времени Прп. Германа. Они исполнили обязанность сторожей, лѣсничихъ, и за это хозяева были рады разрѣшить строить, что они хотѣли, съ условіемъ, что при уходѣ все становится собственностью гавайскихъ богачей. Словомъ, имъ островъ быть не нужень, но въ случаѣ продажи они думали заработать миллионъ долларовъ. Пришло время и они поставили островъ на продажу. Ничѣмъ не смущаясь, монахини при помощи монаховъ-плотниковъ построили домъ на юго-восточной сторонѣ, молясь, и вѣра, что Прп. Отцы Германъ и Ниль Сорскій, которому они посвятили свое тамъ жительство, дадутъ имъ этотъ святой островокъ.

Въ Америкѣ болѣе пятидесяти лѣтъ находилась одна изъ самыхъ большихъ святынь Св. Руси,

подлинная Чудотворная икона Богоматери — Тихвинская. Она хранилась в городѣ Чикаго, но изъ маловѣрія въ православномъ народѣ на чужбинѣ была какъ бы въ тѣни. Не то что въ Россіи, гдѣ вѣра народная двигала миллионы на подвигъ при одномъ напоминаніи о такой святынь. И вотъ вѣрующіе скорбѣли, что Она, Пресвятая Дѣва, не имѣетъ Своей обители, гдѣ бы вѣрующіе американцы могли загорѣться съ вѣрой въ Богородицу и Ея святую икону и ощущать потокъ благодатныхъ проявленій Ея святости, строить свою жизнь на силѣ Православія, какъ это было на Руси.

Одна православная негрятинка-иконописица, монахиня Екатерина, настоятельница подворья въ городѣ Индианаполисъ, приготовила по всѣмъ иконописнымъ правиламъ доску размѣра подлинной Тихвинской иконы, помолясь усердно, поѣхала въ Чикаго къ святынь. Ея любезно принялъ батюшка-хранитель О. Сергій, помогъ приложить къ святынь доску, на которой она написала копию подлинной иконы. И отвезла ее сестрама на островъ святаго исихаста Прп. Нила Сорскаго, гдѣ ее съ благоговѣніемъ приняли и затеплили св. лампаду.

Какъ бы придя въ Свою обитель, Богородица начала Свое дѣло. Во-первыхъ, какимъ-то чудомъ только два инока, моляся Господу, построили прекрасный храмъ, зная что его могутъ хозяева уничтожить, т.к. земля немонашеская. Тѣмъ не менѣе они съ большимъ вкусомъ создали прекрасную реплику Успенскаго храма Гефсиманскаго скита Нило-Сорской Пустыни, только съ большего

Аляскинская Тихвинская Икона Богоматери, на островѣ Прп. Нила, возле Еловаго острова

размѣра куполомъ, звѣздами, золотомъ горящимъ на солнцѣ кружево-подобнымъ Св. Крестомъ. Стоитъ храмъ на высокомъ холмѣ, окруженъ вѣчными елями и тамъ помѣщена Американская копія Тихвинской Богоматери. Во-вторыхъ, когда хозяева рѣшили продать островъ за миллионъ долларовъ, то предложили купить его за эту сумму бѣднымъ нищеподобнымъ матушкамъ. И вдругъ появились благодѣтели (нынѣ покойная раба Божія Фелицата, помяни ее въ своихъ молитвахъ читатель), и послѣ всякихъ комбинацій островъ оказался достояніемъ монахинь, вѣрнѣе Царицы Небесной.

Это настоящее чудо, если знать всеобщую нищету монастырющихъ. Явно, Сама Владычица избрала Себѣ обитель въ Русской Америкѣ. А теперь Тихвинская Царица, Матерь Божія изъ Чикаго, полетѣла паки по воздуху въ Свою Обитель въ предѣлахъ Новгородскихъ и, казалось бы, оставила пустое мѣсто. Но не опустошилась Америка съ улетомъ Чудотворной Иконы! Какъ бы отголосокъ Ея царствуетъ на цѣломъ островѣ, какъ въ Своемъ государствѣ по соседству съ домомъ Убогаго Германа, служки Ея, изцѣлившей его въ юности, и остановившей Своей иконой воздушную пучину грознаго наводненія, и не разъ помогавшей страждущему Своему пустыннолюбцу О. Герасиму.

Жизнь сегодня протекаетъ тамъ тихо. Шумятъ сѣверные вѣтры, гремитъ суровый океанъ, носятся въ бирюзовомъ небѣ крикливые пернатые всякихъ мастей. Но тихо въ сердцѣ пустыни, занятыхъ твореніемъ тихой молитвы въ единеніи съ природой.

Сестры вырубаютъ пустынную келію

Храмъ Прп. Нила Сорскаго

За чаепітіемъ на островѣ Св. Нила

Видъ съ Михайловскаго Скита на Св.-Нилловскій островъ.
Слѣва часовня Преп. Германа

VI. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВѢКЪ

Такова краткая история первого “Новаго Валаама”*, основаннаго Прп. Германомъ, прошедшаго тернистымъ путемъ за два столѣтія. Но терновый вѣнецъ посятъ всѣ послѣдующіе Первому Терновому Вѣщеносцу Христу. А то, что история “Новаго Валаама” полна случасью заброшенности, да таково вѣдь самъ принципъ Пустынножителства — быть вдалекѣ отъ міра въ соединеніи съ природою и съ Самимъ Господомъ, “не имѣвшимъ гдѣ главы преклонити” въ міръ семь. Но свѣтильникъ Прп. Германа и во тѣмъ свѣтитъ, и “монашеская лампада”

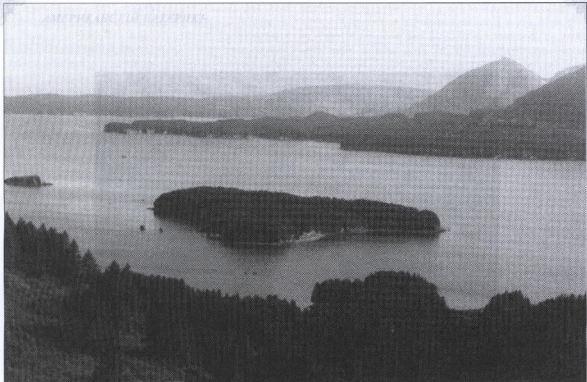
“Прошу, поддерживайте монашескую лампаду на Еловомъ...”
Архимандритъ Герасимъ

все еще теплится и мерцаетъ — указывая, гдѣ убижище для чуждыхъ міру сему.

Несмотря на все убожество жизни на Еловомъ, пустынноначальникъ котораго называлъ себя “убогимъ”, болѣе пятидесяти монашествующихъ находили себѣ пріютъ въ разное время, внося свой вкладъ въ пустынное общежителство посильными трудами въ строительствѣ, огородничествѣ, иконописаніи, за переводами и т.д. Но главное, было то, что каждый участвовалъ въ общей молитвѣ, невидимой міромъ за видимый міръ.

За эти годы возрожденія монашества, въ “Новомъ Валаамѣ” было совершенно десятокъ постриговъ въ разныхъ часовняхъ, но всегда непремѣнно предъ Валаамскимъ образомъ Нерукотворнаго Спаса, переданнаго Братству черезъ

*Второй “Новый Валаамъ” хронологически былъ въ Сибири, съ 1894 года, а третій “Valamo” въ Финляндіи послѣ 1940 г.

“Женский Аюв” - остров Св. Нила съ птичьего полета.
Справа залив “Монашка” на о. Кодьяк

монахиню Марию (С.) от послѣдняго великаго Старца Михаила Младшаго. Столько монашествующих, черноноризцев со времен Прп. Германа тамъ никогда не бывало; не оглашался льсть такимъ мощнымъ пѣніемъ древнихъ монастырскихъ напѣвовъ и, думается, не радовался такъ ангельскій ликъ, и не случайно раздавались таинственные звуки небесныхъ монаховъ, предвидевшихъ прибытіе земныхъ, въ первую ихъ ночь на Еловомъ.

Сейчасъ Братство Прп. Германа духовно завѣдуеть пустынножительствомъ на Еловомъ. Братство Прп. Германа въ Калифорніи за всѣ эти годы развивалось и породило нѣсколько обителей съ миссионерскимъ уклономъ: 1. Женскій скитъ Блаж. Ксенія Петербургской близъ Платины; 2. Паисія Величковскаго обитель возлѣ Русской Рѣчки-Славянки (нынѣ переѣхала въ штатъ Аризону); 3. Подворье Блаж. Ксенія въ городѣ Индианаполисъ; 4. Пустыня Прп. Пахомія Великаго съ подворьемъ въ Канзасъ.

Какъ миссионерское отвѣтленіе Братства существовать также въ городе Кодьякъ Свято-Иннокентіевская Академія для юношества.

Всѣ монашествующіе на Еловомъ американскаго происхожденія. И желають разделить благодатную жизнь на Еловомъ, съ новымъ поколеніемъ возраждающейся Святой Руси. Вѣдь Аляска - уголокъ бывшей Святой Руси.

Писать сюда:

NEW VALAAM MONASTERY (мужской скитъ)
P.O. Box 90, Father Andrew,
OUZINKIE, Alaska 99644

ST. NILUS SKETE (женскій Аювъ)
P.O. Box 18, Mother Nina
OUZINKIE, Alaska 99644

Преподобне отче нашъ Германе моли Бога о насъ и
о всѣхъ православныхъ миссионерахъ

Тимоевъ Гороховъ,
Москва, Январь
2005 г.

О. Герасимъ около Калужской часовни 1940 г.

“МНОГЕ подвижники живутъ въ лесахъ, на дикихъ островахъ, некоторые иноки, любящие пустынную одинокую жизнь, взибрались на такіе утесы, куда даже страшно подняться. И они любятъ свое место, свою убогую келью, и не скучаютъ тамъ жить. У кого на спрѣчь Богъ, кто о Немъ всегда помнитъ, тому пустыня кажется Раемъ.”

Архимандритъ Герасимъ, 1945 г.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

АРХИМАНДРИТЬ ГЕРАСИМЪ

СОВЪСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ СВ. РУСИ

Письмо съ Еловаго Острова

“НЕБЕСНЫЕ ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВѢКА”

Для любителя исторической Св. Руси недавнего прошлаго и собирателя агеографическихъ данныхъ, ищущихъ духовныхъ искръ въ еще тлѣющемъ дореволуціонномъ мироощущеніи, любя страничка, казущаяся незначительной, можетъ имѣть потенциалъ раздуть святоносное пламя Богоощущенія. Черства современная почва для семени Евангельской Истины и мало работниковъ, вскапывающихъ и орошающихъ эту народную почву, которыхъ она даже перебрасывала на землю Нового Свѣта — Америку. Но они были, хотя и мало, но все же они были и внесли свою жертвенную долю, еще пылающую подъ спудомъ пелла отъ угасающаго Христіанства... Блаженъ тотъ, кто откапываетъ ту искру, кто большимъ подвигомъ раздуваетъ ее и ждетъ, когда же замѣтитъ ее молодая сѣмена и созрѣетъ ея и освѣтится какъ сама, такъ и просвѣтитъ другихъ. Вѣдь ждетъ же потенциальный праведникъ духовнаго томочка, озаренія, силы, чтобы наконецъ-то понять тайну, что есть Благочестіе...

Современный Подвижникъ Благочестія, Аляски и Святой Руси, О. Герасимъ, дѣлится своими замѣчаніями. Приводится ниже безъ измѣненій.*

В ДУХОВНОМЪ журналѣ “Духовная Семинарія”, присланномъ мнѣ изъ Харбина, я прочиталъ прекрасную статью “Небесные друзья человѣка”. Читая эту прекрасную статью, я невольно умиллся всѣмъ, что написалъ почтенный авторъ этой справедливой статьи И. Костючикъ. Правда то, что мы не одиноки, что наши небесные покровители вѣчно съ нами, гдѣ бы мы ни жили.

Я рано началъ думать о монашеской жизни, хотя въ свои дѣтские годы и не видаль монастыря. Въ 1905 году я робко подошелъ къ одру своего бѣлшаго отца и сказалъ ему: “Папаша, благословите меня въ монастырь”. Бѣлшій отецъ мой попросилъ св. икону и благословилъ меня на иноческую жизнь иконою св. Тихона Задонскаго. Тогда я мечталъ поступить въ Шигловскій Рождественскій монастырь,

стоящій около шумнаго города Тулы. Въ то время спасался тамъ старецъ-прозорливцевъ Геросхимонахъ Серафимъ**, который мнѣ сказалъ: “Самъ Господь укажетъ тебѣ путь”. Въ Шигловскій монастырь я не поступилъ и вернулся домой. Но въ Іюнь 1906 года мы отправились пѣшкомъ на богомолье въ Тихонову Пустынь Калужской губерніи цѣлой группой.

Достигнувъ св. Обители Прп. Тихона и увидавъ ея чудные храмы, красоту колокольную, красоту природы, я ликовать и мои уста твердили: “Это Божій рай на землѣ!” Я рѣшилъ тамъ остаться жить и пошелъ къ О. Архимандриту Лаврентію просить его принять меня въ число братіи. Отецъ Архимандрить меня выслушалъ, коротко объяснилъ трудность иноческой жизни, что нужно быть послушнымъ, кроткимъ, рано вставать къ утрени и прочее. Потомъ всталъ съ кресла, подвелъ меня къ художественной картинѣ, на которой было написано, какъ мать св.

* “Хлѣбъ Небесный”, Харбинъ № 16 за 1940 год., стр. 40. Текстъ статьи приводится ниже.

** Въ схимѣ Домитіанъ. Смотри Р.П. № 18.

Тихона Задонскаго вела его за руку въ городъ отдать къ ямщику, а старшій братъ стоялъ на колѣняхъ на пыльной дорогѣ и умолялъ свою мать не дѣлать этого, а отдать Тимошу въ Духовное Училище. Отецъ Архимандритъ, указывая мнѣ на картину, сказалъ: "Вотъ мать святителя Тихона хотѣла отдать его въ ямщики, а старшій сынъ догналъ ее на дорогѣ, бросился въ ноги ей и сказалъ: "Матушка, не отдавай Тимошу въ ямщики: отдашь въ ямщики, ямщикомъ и будетъ, а лучше отдадимъ его въ Духовное Училище, изъ него попь выйдетъ". Вотъ и ты старайся жить хорошо, — сказалъ мнѣ Игумень, — и будешь монахомъ". А немного помолчавъ и улыбаясь сказалъ мнѣ: "А можешь еще и архимандритомъ будешь".

Пришлось мнѣ быть и келейникомъ у Архимандрита Лаврентія и, убирая его залъ, я часто подолгу стоялъ у картины и любовался ею. Въ 1911 году я выѣхалъ на Авоонъ, куда такъ рвалась моя душа и о которомъ я много читалъ. Въ 1912 году я вернулся въ Россію и уже не вернулся въ свою прекрасную Тихонову Пустынь, а остался жить въ Тулѣ на Покровскомъ Подворьѣ, которое тогда строилъ Епископъ Евдокимъ (Мешерскій). Владыка Евдокимъ тогда былъ прекрасный святитель, любилъ торжественныя службы, любилъ проповѣдовать Слово Божіе. Я зажилъ тихо и спокойно подъ покровомъ Божіей Матери и шумный городъ какъ бы не мѣшалъ мнѣ. Владыка выстроилъ тамъ прекрасный соборъ — народъ въ Тулѣ былъ добрый, религиозный, онъ усердно жертвовалъ для украшенія храма Божія. Мое послушаніе было самое мною любимое, я работалъ въ церкви пономаремъ и завѣдывалъ ризницей. Тому, кто знаетъ укладъ монастырской жизни, покажутся мои слова лживыми, что я былъ и ризничимъ на Покровскомъ Подворьи въ Тулѣ. Но это была истина, я былъ имъ до своего отъѣзда въ Америку. Храмъ былъ громадный, работы было очень много, а я работалъ одинъ. Часто, что Владыка Евдокимъ говорилъ мнѣ: "Усталъ ты, Михайль, бѣдняжка! Но потерпи еще немного, я тебя скоро постригу въ монахи!" Владыка говорилъ мнѣ, что онъ меня пострижетъ торжественно, монаховъ изъ монастыря вызоветъ и народу о томъ объявитъ. Въ душѣ я былъ противъ этого, ибо вспоминалъ, какъ постригали въ Тихоновой Пустыни монаховъ, какъ тамъ все было до слезъ умиленно, трогательно. Но я молчалъ и ничего-то не отвѣчалъ Владыкѣ. Но то, о чемъ говорилъ мнѣ Владыка, ничего то не вышло. Въ 1914 году его назначили въ Америку и онъ сказалъ мнѣ: "Михаиль, поѣдемъ со мной въ Америку. Теперь мы поѣдемъ въ Петроградъ, гдѣ и тебя постригу и возведу въ санъ іеродіакона". Но и это не вышло. А вышло то, что было угодно Господу Богу и Его Угоднику св. Тихону Задонскому. Меня постригъ Владыка Александръ Немоловскій въ обители св. Тихона Задонскаго въ Сѣверной Америкѣ 24-го Апрѣля 1915

года. Все тамъ тогда было бѣдно, убого, начиная съ архіерейскаго облаченія и кончая пѣніемъ. Владыка Александръ сказалъ мнѣ короткое слово: "... Вотъ вы жили въ богатыхъ монастыряхъ, работали въ богатыхъ храмахъ, а Господъ сподобилъ васъ принять постригъ среди такой нищеты и убожества. Но вы помните всю свою жизнь, что эту нищету любить святителю Тихонъ, покровителю сея св. Обители". Что же это, развѣ не говорить то, что св. Тихонъ, этотъ Великій Чудотворецъ, какъ бы взялъ меня подъ свое покровительство съ перваго дня моего рѣшенія посвятить себя иноческой жизни!? Отецъ мой благословилъ меня иконою св. Тихона Задонскаго на иноческую путь, Архимандритъ Лаврентій въ Тихоновой Пустыни указалъ мнѣ на св. Тихона Задонскаго, прибѣромъ его мнѣ поставилъ, постригали меня въ Обители св. Тихона Задонскаго. Но и это еще не все.

Въ 1935 году перебрался я на островъ Еловый, гдѣ жилъ и спасался подвизникъ миссіонеръ монахъ О. Германъ, скончавшійся тамъ [15-го Ноября 1836 года]. Въ 1936 году въ Июлѣ мѣсяцѣ я вычистилъ всю церковь, выкрасилъ ее и, когда все кончилось, то взялъ домой, въ келью свою, вычистить и исправить двѣ иконы — св. Тихона Задонскаго и Прп. Серафима Саровскаго. Я ихъ вычистилъ, вложилъ въ новыя рамы и поставилъ въ кельѣ, дабы онѣ высохли. По окончаніи работы я съѣлъ и, смотря на святые и мнѣ родные св. лики Угодниковъ Божіихъ, мнѣ вспомнилась вся моя жизнь, все, что было пережито за эти годы. И варуть я вспомнилъ: да вѣдь сегодня 17-ое Июля, день моего поступленія въ св. Обитель. Вспомнилось и то, что въ тотъ день, 17-го Июля 1936 года исполнилось ровно 30 лѣтъ со дня моего поступленія въ монастырь.

Слезы невольно потекли по моему лицу, я опустился на колѣни и, добая св. лики, говорилъ: "Святые Угодники Божіи, вы мои дорогіе Гости, вы пришли ко мнѣ грѣшному въ самый день моего поступленія въ св. Обитель". А я глубоко почитаю, люблю и св. Тихона Задонскаго, и дивнаго Прп. Серафима Саровскаго.

И какъ хорошо, какъ правдиво назвала г-нъ И. Костючикъ въ своей статьѣ Ангеловъ Божіихъ и святыхъ Угодниковъ "Небесные Друзья Человѣка". Это есть истина святая!!!

Добавлю еще то, что каждый новопостриженный инокъ послѣ своего постриженія заказывалъ для себя икону, на которой писалось два угодника Божія: изображеніе святаго, даннаго ему при св. крещеніи, и изображеніе Угодника Божія, даннаго ему при постриженіи, и имъ молится инокъ какъ своимъ небеснымъ покровителямъ.

Не могу умолчать и о томъ, что было въ 1904 году, какъ Божія Матерь спаста насъ всѣхъ отъ пожара.

Въ время я поступилъ въ наборщики въ типографію къ Шебарову, который былъ кутила,

и вся его семья были безбожники. За долги у него оспечатали типографию и мы работали до глубокой ночи каждый день, убирая шрифт. В одну из весенних ночей 1904 года лил страшный дождь и мы всё ршили ночевать в типографии. Было уже 2 часа ночи, было очень темно, лил проливной дождь на улицы и мы всё-то 6 человек улеглись в переплетной комнате на полу, на обрѣзках разной бумаги и разных бумаг. В углу комнаты висѣла икона Божией Матери в старинном киотѣ “Всѣх скорбящих Радосте”, а предъ ней была привинчена лампада. Я ршил на ночь зажечь лампаду, налил масло (какое оно было, я не знаю) и зажег ее. Мы всё улеглись на полу, на обрѣзках разной бумаги и скоро всё крѣпко заснули. Но я вдруг ясно почувствовал, что кто-то меня сильно толкает в бок. А скажу и то, что я в молодые годы спал очень крѣпко, даже будильники не могли разбудить меня. Я проснулся и был поражен: около св. иконы было громадное пламя огня, онъ доходил до потолка, который был очень далеко отъ лампы. Я схватил что-то и накрыл огонь и въ комнату стало страшно, темно. А вѣд лопни стаканчикъ, загорѣлась бы вся бумага и спасеня бы не было, ибо отъ машинъ весь полъ былъ залитъ жиромъ и громадный домъ,

двухэтажный, был бревенчатый. Все нижнее помѣщеніе занимала типография съ переплетной, а наверху жила семья А. П. Шебарова. Я долго не могъ опомниться, я ясно видѣлъ чудо Божіе, я видѣлъ чудо отъ св. иконы Божией Матери “Всѣх скорбящих Радосте”. Утверждаю то, что я ясно помню и до сего дня даже, что меня кто-то будилъ сильно и настойчиво, какъ бывало будила, толкала даже, моя мать, дабы я собирался въ школу. Это не выдумка моя, а святая истина и я знаю, что Божія Матерь спасла насъ всёхъ отъ неминуемой гибели. Любя сияніе святаго огонька, сияніе лампы у св. иконъ, я и зажегъ ее передъ сномъ. Мы уснули не сразу, мы еще долго разговаривали. Но только меня разбудили, того, кто зажегъ святой огонекъ у святой иконы Божией Матери. Да, это святая истина, что мы не одиноки въ этой земной жизни, что мы имѣемъ небесныхъ покровителей, заступниковъ, что я и

самъ испытать на своемъ жизненномъ пути. Въ наше страшное время, безбожное время, даже и русско-православные люди стали какъ бы стыдиться имѣть въ своихъ домахъ святые иконы, закигать предъ ними лампаду. Правда это и я самъ видѣлъ, находясь въ Штатахъ, среди своихъ русскихъ людей. Но мнѣ невольно вспоминаются мои дѣтскіе годы, золотое время жизни, когда въ каждомъ русскомъ домѣ первымъ украшеніемъ были святые иконы, предъ которыми горѣли лампы. Любилъ я эти дома, любилъ смотрѣть на цѣлыя иконостасы св. иконъ и предъ ними мерцающіе святые огоньки отъ лампы. И когда русскіе люди любили украшать свои дома святыми иконами, теплили предъ ними лампы, почитали святые праздники, то тихо, спокойно, благочестиво они и жили. Каждый домъ, семья были не что иное, какъ домашняя Церковь Христова, о которой вспоминаетъ и св. Апостолъ Павелъ. Но когда душа русскаго православнаго христианина заразилась новшествомъ, онъ сталъ стыдиться имѣть въ своихъ домахъ св. иконы, закигать предъ ними святые огоньки — лампы, то мрачно, темно стало и въ его душѣ и онъ свободно пошелъ на сторону враговъ Бога и Его возлюбленнаго Сына Господа Иисуса Христа и всего добраго и святаго, и

началъ дѣлать то, чего даже не дѣлаютъ и дикіе звѣри. Потому, и только потому современные люди не видятъ чудесъ, творимыхъ Господомъ и Его св. Угодниками, что они душевно слѣпы, что они возстали противъ Господа Бога и Его земной Церкви. Конечно, отъ такихъ людей далеко стоять и его небесные друзья, онъ, живя возлѣ нихъ, не можетъ и видѣть и даже ихъ чувствовать своей злобной душой, въ которой нѣтъ ни мира, ни любви. Итакъ, православный христианинъ, храни вѣру въ Бога, стяжи любовь къ Богу и ближнему и ты ясно почувствуешь, что у тебя есть и въ духовномъ мірѣ друзья, молитвенники за тебя предъ Господомъ Богомъ. Аминь.

Архимандритъ Герасимъ
Еловый островъ,
Аляска, 1940 г.

Икона Прпп. Тихона и Лаврентія, единственная въ Калужской Часовнѣ сохранившаяся отъ О. Герасима, вывезенная изъ Калуги

И. Курбатовъ

МОСКВА.

Авторъ биографіи Наталіи Урусова, справа,
съ сестрой Ниніей, фрейлиной Императорскаго Двора, 1891 г.

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ

МАТЕРИНСКИЙ ПЛАЧЪ КАТАКОМНОЙ СВЯТОЙ РУСИ

Автобиография Княгини
Наталіи Владиміровны Урусовой

(1874—1963)

Окончаніе, начало смотри въ № № 27—32

То слезы бѣдныхъ матерей...
Имъ не поднять своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Н. А. Некрасовъ

38. МИТРОПОЛИТЬ ІОСИФЪ

ОТВЛЕКЛАСЬ и не написала о впечатлѣніи отъ города Алматы, послѣ нашего трехлѣтняго отсутствія. Узнать его нельзя было. Такъ измѣнить, такъ изуродовать всю его бытовую красоту и даже самую природу могла только злая воля дьявольской, большевистской силы. Лозунгъ большевиковъ «Все старое сломаемъ и построимъ новое» оправдался фактически. Нашимъ глазамъ предстала картина: на мѣстѣ маленькихъ одноэтажныхъ уютныхъ домиковъ на главныхъ улицахъ стоятъ двухэтажные дома, все того же еврейскаго коробочнаго квадратнаго стила, какъ и въ другихъ городкахъ Россіи. Выше двухъ этажей изъ-за землетрясеній нельзя было строить, и то ихъ возводили на какомъ-то особенномъ фундаментѣ, по «американской системѣ», якобы гарантирующей ихъ отъ разрушенія. Почти во весь городъ вырублены чудные фруктовые сады, въ зелени которыхъ утопали домики. На главныхъ улицахъ—асфальтъ и стоитъ милиціонеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Такъ негармонизирующіе съ бытомъ полунизаго, грязнаго киргиза. Базаръ уничтоженъ, ни одного верблюда! Куда они ихъ только подвѣвали? Ни коворны, ни восточныхъ палатокъ. Все мертво. Киргизы страшно озлобленные на внимательство и изуродованіе ихъ природной жизни. Какъ вездѣ палки до чужой собственности, появились и среди нихъ коммунисты. Сразу проявилась разница въ матер-

ьяныхъ благахъ. Однихъ обирали донага, другіе роскошествовали. Коммунистовъ своихъ свои же ненавидѣли. Совѣты устроили національный театр, появились киргизскіе артисты.

Въ то время населеніе голодало. Свободнымъ по натурѣ киргизамъ приходилось часами стоять въ очереди для полученія какого-то минимума питанія по карточкамъ. У коммунистовъ было всего въ издѣльствѣ. Особенно ненавидѣло населеніе одну артистку, пользующуюся покровительствомъ большевиковъ. Артистки устроили пикникъ въ горахъ. Нагруженные виномъ и закусками, они ѣли, пили, пѣли и веселились. У артистки была семилѣтняя дочь. Когда стали собираться обратно, дѣвочки не оказалось. Звали, кричали, искали, но ее нѣтъ. Наступила ночь, послали верхова заявить ГПУ. Немедленно прѣхалъ отрядъ милиціи съ фонарями. Недалеко отъ мѣста пира увидѣли дѣвочку, повѣшенную на деревѣ.

Я познакомилась съ художницей-скульпторомъ, тоже высланной съ мужемъ. Онъ лежалъ въ чухоткѣ. Комната въ первомъ этажѣ, а внизу подвалъ, гдѣ жила женщина, о которой говорили, что она агентъ. Люди они, и мужъ и жена, особенно мужъ, вѣрующіе, за что и посланы. Говорили мы всегда тихо, хотъ окна и двери были наглухо закрыты, считая, что никто насъ не слышитъ. И вотъ ночью подвѣхалъ автомобиль и его въ жару, мокраго отъ испарины, приговореннаго врачами къ смерти, сняли съ кровати и увезли. Жена, конечно, была въ непередаваемомъ горѣ. На другой день ареста, открывъ

камфорку у плиты, бывшей въ комнатѣ, она удивилась, увидѣвъ подъ плитой свѣтъ. Въ полу подъ плитой вырѣзанъ квадратъ и всѣ разговоры подслушивались. Вотъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, какъ ужасна была жизнь: ни минуты покоя, ни гдѣ...

Мы очень уважали Архимандрита Арсенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ любимъ митроп. Иосифомъ и черезъ него мы могли имѣть связь съ нимъ. Митрополитъ жилъ въ то время въ Чимкентѣ. До этого съ самаго начала ссылки онъ жилъ въ маленькомъ городкѣ Ауліэта, ему не разрѣшено было жить въ комнаткѣ, а помѣстили въ сарай со скотиной, отдавъ его койку жердямъ.

Вырытая въ землѣ церковь была въ квартирѣ Архимандрита Арсенія. Въ передней былъ дюкъ, покрытый ковромъ. Снималась крышка и подъ ней лѣстница въ небольшой подвалъ. Не зная, нельзя было предположить, что подъ ковромъ входъ въ церковь. Въ подвалъ въ одномъ углу было отверстие въ землѣ, заваленное камнями. Камни отнимались и, совсѣмъ согнувшись, нужно было проползти три шага и тамъ входъ въ крошечный храмъ. Много образовъ и горѣли лампады. Митрополитъ Иосифъ очень высокаго роста, и все же два раза тайно прѣзжалъ и проникалъ въ эту церковь. Создавалъ совсѣмъ особое настроеніе, но не скрою, что страхъ былъ обнаруженнымъ во время богослуженія, особенно въ ночное время, трудно было побороть. Когда большая цѣпная собака поднимала лай во дворѣ, хотя и глухо, но все же слышно подъ землей, то всѣ ожидали окрика и стука ПТУ.

Весъ 1936 г. и до сентября 1937 г. все обходилось благополучно. Андрюша пѣлъ съ одной монахиней. 26-го Августа прѣхалъ митроп. Иосифъ и удостоилъ насъ посѣщеніемъ по случаю дня моего Ангела. Какой это чудесный, смиренный, непоколебимый молитвенникъ. Это отражалось въ его обликѣ и въ глазахъ, какъ въ зеркалѣ. Очень высокаго роста, съ большой блѣдой бородой и необыкновенно добрымъ лицомъ, онъ не могъ не притягивать къ себѣ, и хотѣлось бы никогда съ нимъ не расставаться. Монашеское одѣяніе его было подобрано такъ же, какъ и волосы: иначе его сразу арестовали бы, еще на улицѣ, т.к. за нимъ слѣдили, и онъ не имѣлъ права выѣзда.

Онъ лично говорилъ, что Патриархъ Тихонъ предложилъ его немедленно по своемъ избраніи назначить своимъ первымъ замѣстителемъ. Этого почему-то въ исторіи церковнаго мѣстоблюстительства еще нигдѣ не упоминается. Онъ признавалъ какъ законнаго главу Церкви митроп. Петра Крутицкаго и вплоть до послѣдняго ареста, въ сентябрѣ 1937 г., имѣлъ съ нимъ тайные сношенія, когда всѣмъ уже ходили слухи, что митроп. Петръ умеръ. Онъ провель у насъ за чаемъ больше часу, рассказывалъ о трудной жизни въ сараѣ, когда надъ головой, уцѣпившіеся за

хворостъ потолка, висѣтъ и смотреть на тебя змея, о томъ, какъ трудно было молиться, когда кругомъ мычанье, бляеніе и хрюканье, и безжалостно плохое питаніе. Эти всѣ условія и были, очевидно, причиной его болѣзни. По временамъ онъ сильно страдалъ отъ язвъ въ кишечникѣ. Но онъ все переносилъ, какъ Праведникъ, и если рассказалъ о трудныхъ преслѣдованіяхъ, то только потому, что мы всѣ вспоминали о жестокостяхъ ПТУ. О. Арсеній рассказывалъ объ одной формѣ издѣательства мученикамъ:

«Когда ихъ везли черезъ Сибирь, морозъ былъ жестокий. Въ поѣздѣ былъ вагонъ-баня. Насъ совсѣмъ голыми погнали черезъ вагоны въ баню. Мы съ радостью обливались горячей водой и немного отогрѣлись, т.к. вагоны почти не топлены. Не давъ ничего, чтобы вытереться, съ мокрой головой погнали назадъ. На желѣзной площадкѣ нарочно задержали и мокрая нога моментально примерзала къ желѣзу, по командѣ «Впередъ!» мы отдирали съ кровью примерзшія ступни».

На другой день, переночевавъ у О. Арсенія, митрополитъ уѣхалъ къ себѣ. Теперь онъ жилъ въ другихъ условіяхъ. Послѣ 15-ти или около этого лѣтъ было разрѣшено въ Чимкентѣ найти ему квартиру. Архимандритъ Арсеній устроилъ ему комнату для спокойной жизни, заботился о его ѣдѣ не только въ сытости, но и въ діетѣ, ради больныхъ кишекъ. Досталъ ему сперва шитру, а затѣмъ и физгармонію, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Онъ пѣлъ псалмы, переключая ихъ на музыку.

1-го Сентября неожиданно дана намъ была большая, очень большая радость. Сынъ мой Петръ, окончивъ ссылку, прѣхалъ къ намъ, узнавъ черезъ сестру мою въ Москвѣ (переписка при вольной ссылкѣ разрушалась) нашъ адресъ. Прѣхалъ съ молодой женой, чтобы вмѣстѣ жить. Они только что потеряли ребенка, о чемъ я писала. Времено мы расположились всѣ въ нашей одной комнатѣ, куда перешли за два мѣсяца передъ тѣмъ, а затѣмъ для ихъ удобства рѣшили подыскать имъ вблизи отъ насъ отдельную комнатку. Андрюшино служебное начальство ввиду его честной работы назначило его на трехмѣсячные курсы по бухгалтеріи, причемъ было объявлено, что окончившій и сдавшій экзаменъ лучшимъ по конкурсу получить дипломъ на права старшаго бухгалтера. 25-го Сентября онъ долженъ былъ курсы закончить съ этимъ правомъ, т.к. шель лучшимъ и изъ всѣхъ. Это дало бы ему хорошее содержаніе, и онъ такъ радовался, говоря: «Мутенокъ мой (такъ онъ меня называлъ), ты не будешь больше стоять на базарѣ и продавать швыты, я одинъ буду зарабатывать». Петя нашелъ комнатку очень близко отъ насъ, и 24-го Сентября по приведеніи ея въ порядокъ они должны были перейти въ нее. 23-го вечеромъ мы сидѣли всѣ невеселые, предвидя

несчастье. По всему городу начались аресты. Это было владычество Ежова.

Въ часъ ночи дѣти и Ниночка спали; я еще не дожилая, когда у нашей комнаты остановился автомобиль. Я разбудила дѣтей. Въ дверь рѣзко застучали и раздался такъ странно знакомый окрикъ ГПУ: «Отворите!»

Дѣлать было нѣчего, я отворила. Быстро вошелъ ГПУ и три вооруженныхъ солдата, у ГПУ револьверы въ рукѣ. Помню, что я въ отчаяннѣй, понимая, что у меня отнимутъ сейчасъ самое дорогое въ земной жизни, дѣтей, рѣзко спросила: «Что намъ здѣсь надо?»—«Андрей Урусовъ здѣсь?» Я не могу писать всѣхъ подробностей. Какъ ни примирилась съ Божьей Волей, но воспоминанія раздражаютъ душу. Въ одномъ нижнемъ бѣльѣ поставили моего дорогого посрединѣ комнаты и обшарили, нѣтъ ли на немъ оружія. Подлинныя трусы! Чего они боялись и кого? Какое могло быть оружье вообще у кого-нибудь, а тѣмъ болѣе у высланнаго за вѣру въ Бога и церковь! Начался обыскъ.

Перевернули все, конечно, ничего не найдя. Меня, несмотря на порывы приблизиться къ сидящему на кровати теперь Андриюшѣ, къ нему не допускали даже въ эти послѣднія минуты разставанія, можетъ быть, навсегда на землѣ. Онъ сидѣлъ молча, не протестуя ни однимъ словомъ, и только глазами указывалъ мнѣ на уголокъ съ образомъ, гдѣ, какъ всегда, горѣла лампадка. Я понимала, что онъ призывалъ меня молиться. Я такъ плакала, что на просьбу невѣстки ко мнѣ подойти, ей разрѣшили. Обернувшись къ бѣдному Петѣ, онъ сказалъ: «Я не знаю, что у Васъ еще сынъ есть! А это Ваша дочь?» Она отвѣтила: «Нѣтъ, я невѣстка». Андриюшѣ велѣно было одѣться. Теплая куртка была у портного въ починкѣ, ботинокъ тоже. Надѣлъ легкое пальто и брезентовые туфли. Денегъ у насъ не было, кромѣ 40 руб., которые ГПУ взяло, якобы для Андриюши. Его увели. Мнѣ разрѣшили проститься. Мы обнялись въ послѣдній разъ. Я сказала ему: «Куда бы тебя ни сослали, я поѣду за тобой». Но Господь судить иначе, и больше я его не видѣла. Онъ сказалъ мнѣ вечеромъ наканунѣ: «За меня не проси у нихъ, я этого не хочу, я твой сынъ!» Вотъ 15 лѣтъ въ сентябрѣ, какъ это было, но память объ этихъ минутахъ такъ свѣжа, какъ будто это было вчера, только чувство отчаяннаго горя, охватившаго меня, смѣнилось покорнымъ переживаньемъ. Мои дѣти—мученики за Христа. Не

помня себя, я тутъ же на разсвѣтѣ побѣжала къ Архимандриту Арсенію и, подойдя, увидѣла автомобиль и входящихъ къ нему ГПУ. Къ счастью, меня не замѣтили. Нужно было спасти Петю и его жену. Какъ настало утро, они уѣхали въ Томскъ, гдѣ тоже въ ссылкѣ вольной жилъ братъ моей невѣстки. Онъ поступилъ въ театръ артистомъ.

Бѣдная Ниночка, что пережила эта несчастная, оставшаяся 6-ти лѣтъ сиротой дѣвская душа? Я не въ состояннѣй была работать, не знала, какъ быть съ ней! Я только плакала, молилась и часами стояла съ ней у воротъ тюрьмы. Придя домой, на второй же день мы застали у себя отца Ниночки, прѣхавшаго повидаться съ ней послѣ трѣхлѣтней разлуки. Еще за день я не могла бы подумать о томъ, что могу съ ней разстаться, но тутъ я усмотрѣла въ этомъ явное Божье указаніе. Вѣдь и меня могли арестовать и что было бы съ ней? Я разсталась и съ ней! Отецъ взялъ ее къ себѣ.

Цѣлый мѣсяць ходила я въ ГПУ, прося не освобожденія, а передачи пальто, ботинокъ и чего-нибудь състнаго, просила о разрѣшеннѣй свиданія. Мнѣ подарили смыльные для него валенки и теплую шапку мѣховую. Разрѣшено не было. 8-го Ноября мнѣ было объявлено: Андрей Урусовъ отправленъ 5-го числа на Дальній Востокъ безъ права переписки на 10 лѣтъ. Я молилась только о томъ, чтобъ не впасть въ отчаяніе отъ горя, и Господь помогъ мнѣ перенести и дальнѣйшія скорби, и вотъ живу уже 10 лѣтъ послѣ этого.

Я рѣшила его догонять. Сосѣди продали для меня все, что у меня было, помогли мнѣ и другіе съсылныя деньгами, и я уѣхала по дорогѣ въ Сибирь, т.к. мнѣ сказали, что онъ отправленъ въ бухту Нагая, въ Колымскій край. Бухта Нагая—это на самомъ сѣверномъ берегу Охотскаго моря. Я думала, что пассажирскимъ поѣздомъ догону этапъ. Рядомъ въ кулѣ вагона сидѣлъ разукрашенный орденами, какъ видно, исполнившій миссію арестовъ и приговоровъ, большой, уже пожилой чинъ ГПУ. На вторую ночь, заставъ меня въ коридорѣ вагона, спросилъ: «Гражданка, чего Вы все такъ платаете?» Спросилъ строго и, конечно, несочувственно. Я сказала объ Андриюшѣ. «За что его арестовали?» Я отвѣтила: «Безъ всякой вины».—«Этого быть не можетъ!»—«Нѣтъ, это такъ: онъ взятъ за вѣру въ Бога и религію!»—«Ну, стало быть и виновенъ!»—«По-Вашему, да, а по-моему, нѣтъ!»—«Какъ фамилія?» Я сказала. «Ну, больше 5-

Митрополитъ Іосифъ, въ бытность епископомъ Ярославскимъ.

ти не просидить». Навѣрное, онъ самъ и присуждалъ моего Андриюшу и другихъ обвиненій не нашель на него. Онъ мнѣ разрѣшилъ пройти въ Новосибирскъ съ носильщикомъ по путямъ, сообщивъ, что эшелонъ изъ Алма-Аты стоитъ еще здѣсь. Морозъ былъ свыше 50-ти гр. Мы прошли подъ вагонами не меньше 20-ти товарныхъ поѣздовъ съ наглухо закрытыми вагонами, охраняемыми военными патрулями. Это все транспорты съ ссыльными изъ разныхъ городовъ Россіи. Въ тотъ же день, какъ арестованъ былъ Андриюша, было арестовано вездѣ въ окрестностяхъ Алма-Аты по Казахстану все духовенство катакомбныхъ Иосифлянскихъ церквей, отбывавшихъ вольную ссылку за непризнание совѣтской церкви.

Всѣ были посланы на 10 лѣтъ безъ права переписки и, какъ я узнала послѣ, въ числѣ ихъ былъ и митрополитъ Іосифъ. На послѣднемъ пути былъ поѣздъ изъ Алма-Аты. Посреди поѣзда—классный вагонъ. Я постучала. Вышелъ маленький еврей въ военной формѣ ГПУ и съ нимъ еще двое. Онъ удивился, увидѣвъ въ 12 ч. ночи даму у поѣзда съ носильщикомъ, когда никто не имѣлъ права ходить по путямъ, да еще пролезать подъ вагонами съ арестованными. На вопросъ, что мнѣ надо, я сказала, что ишу сына, чтобы передать ему теплую одежду, провизіи и денегъ. Одинъ изъ стоящихъ, узнавъ фамилію, сказалъ: «Кажется у насъ есть такой!» Еврей сказалъ мнѣ: «Идите на станцію, а рано утромъ приходите, мы за это время проверимъ списки, и если Вашъ сынъ тутъ, то я дамъ Вамъ свиданіе и Вы передадите лично, что хотите». Ночь показалась мнѣ за нѣсколько лѣтъ. Въ 7 утра я была у поѣзда, опять съ носильщикомъ. Я купила съѣстного, все что было можно на вокзалѣ. Мнѣ объявили: «Въ спискахъ такого нѣтъ!» А между тѣмъ этотъ эшелонъ отправленъ былъ 5-го изъ Алма-Аты. Шель онъ нѣсколько дней, и мнѣ представилось, что онъ замерзъ.

Я взяла билетъ и поѣхала въ Томскъ къ Петѣ, давъ ему телеграмму. Въ этотъ страшный морозъ онъ и жена его, въ холодныхъ ботинкахъ, кое-какъ одѣтые, т.к. все было отобрано еще въ Москвѣ, а одѣться въ ссылкѣ не на что было, встрѣтили меня на вокзалѣ. Три дня я жила, окруженная теплою любовью и заботой. И Пети, и Олечка утѣшали меня, говорили, чтобы я не тосковала, что они найдутъ, гдѣ Андриюша, и я поѣду къ нему. На четвертый день ночью опять стукъ, и опять тотъ же окрикъ! Увезли и Петю моего!

Я въ окно видѣла его сидящимъ, какъ-то согнувшись, на открытомъ грузовикѣ. Ночь была лунная. Шоферъ и ГПУ сидѣли въ кабинкѣ. Я отдала ему все, что везла Андриюшѣ. Послѣдніе его слова были молодой женой: «Олечка, поѣзжай немедленно съ мамой въ Москву».

Она со мной не поѣхала, несмотря на всѣ мои просьбы, и осталась у брата, сказавъ, что только узнаетъ судьбу Пети въ ГПУ, на сколько лѣтъ и куда его отправятъ, и пріѣдетъ въ Москву. (Она была рожденная княжна Г-на). Черезъ мѣсяць отъ хозяйки квартиры было письмо. Ваша невѣстка и братья ея арестованы и увезены на 10 лѣтъ.

39. МОЖАЙСКЪ

Когда мои сыновья были в 1937 г. арестованы и, по сообщенію ГПУ, были высланы на 10 лѣтъ безъ права переписки, то о моемъ материнскомъ горѣ и говорить нѣчего. Много, много горькихъ слезъ пролила, но ни единой даже мимолетной мыслью не роптала, а искала только утѣшенія въ Церкви, а оно могло быть только въ Катакомбной Церкви, которую я вездѣ искала, и милостью Божіей всегда находила очень скоро, и горе свое изливала истиннымъ, Богу угоднымъ священникамъ, которые тамъ совершали тайныя Богослуженія. Такъ было, когда послѣ ареста сыновей я изъ Сибири уѣхала въ Москву. Сестра моя, которая, какъ ужасу моему, признавала совѣтскую

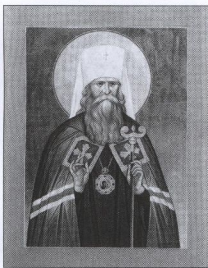

Митрополитъ Іосифъ
Петроградскій

Церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мнѣ указала на одну бывшую нашу подругу дѣтства, съ которой она расходилась въ вопросахъ Церкви, т.к. та принимала горячее участіе въ тайныхъ Богослуженіяхъ. Меня встрѣтила эта дама и другіе члены этой святой Церкви съ распростертыми объятіями. Жить въ Москвѣ я не имѣла права и поселилась за 100 верстъ въ городѣ Можайскѣ. Абсолютно безъ денегъ я взяла патентъ на право продажи искусственныхъ цвѣтовъ на московскомъ базарѣ. Мнѣ разрѣшалось проживать у сестры не болѣе однихъ сутокъ, но мнѣ помогъ дворникъ. Всѣ дворники назначались ГПУ для доклада обо всемъ, что дѣлалось въ домѣ. Дворникъ того дома жилъ въ сыромъ подвальномъ помѣщеніи съ семьей крайне бѣдно. Онъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ: «Хочешь ли ты, чтобы я тебѣ помогъ? А ты помоги мнѣ! Я обязанъ по пріѣздѣ кого-нибудь немедленно сообщать, а ты пріѣзжай и живи хоть по двѣ недѣли, да сколько хочешь, а я сообщать не буду. Если же придуть съ

обыскомъ или провѣркой, то покажу, что ты прѣехала сегодня утромъ, а ты мнѣ помогай понеминому отъ продажи своихъ цвѣтовъ».

Я, конечно, согласилась, и такъ оно и было до 1941 г., когда неожиданно нѣмцы перешли границу, и въ тотъ же день никому, кромѣ, конечно, слугъ сатаны, не быть разрѣшенъ въездъ въ Москву. И такъ, проживая у сестры подолгу, я поощала всѣ богослужения, которая производились у частныхъ лицъ въ разныхъ районахъ Москвы. Былъ у насъ священнослужителемъ и духовникомъ О. Антоній, уже не молодой иеромонахъ. Постоянно слышу: «Какъ велитъ старецъ, что скажетъ старецъ и т.д.» Я

Священномученикъ Иосифъ
Петроградскій, современная икона.

спросила отца Антонія, гдѣ могла бы я увидѣть этого старца, чтобы излить свое горе и получить утѣшеніе! Когда о немъ упоминали, то говорили съ необычайнымъ благоговѣніемъ и называли святымъ необычайнымъ. «Нѣтъ,—сказалъ О. Антоній,—этого никакъ нельзя, все, что Вамъ потребуется отъ него, я буду ему передавать». Въ 1941 г. въ Можайскѣ я познакомилась съ одной дамой, высланной изъ Москвы за арестъ мужа и единственной дочери. Она оказалась тоже членомъ Катакомбной Церкви и была съ самыхъ первыхъ лѣтъ священства старца его духовной дочерью. Она мнѣ сообщила, что старецъ (имени не называла) живетъ сейчасъ въ двухъ верстахъ отъ Можайска, и она тайно поощаетъ его Богослужения. На мой вопросъ, нельзя ли ей попросить принять меня, она отвѣтила: «Нѣтъ, это невозможно, т.к. всѣ моляшіеся лишены этого, т.к. ГПУ его 25 лѣтъ разыскиваетъ, и онъ переходитъ по всей Россіи съ одного мѣста на другое, будучи оповѣщенъ, какъ видно, Духомъ Святымъ, когда надо уйти». Конечно, я скорѣла, но дѣлать было нѣчего. День Святой Троицы въ томъ году былъ 7-го Іюня. Какъ ничего не бываетъ случайнымъ, такъ было и тутъ: я не могла быть въ Москвѣ и съ грустью сидѣла вечеромъ наканунѣ одна у себя въ комнатѣ. Слышу легкой стукъ въ окошко, взглянула и поразилась. Стучитъ немолодая монахиня, одѣтая по-монашески, несмотря на строжайшее запрещеніе носить такую одежду. Дѣло было подъ вечеръ. Я отворила дверь, и она вышла ко мнѣ со словами: «Бабушка, старецъ О. Серафимъ, приглашаетъ Васъ завтра утромъ къ себѣ, и если желаете, то можете исповѣдаться и приобщиться Св. Тайнъ». Она указала мнѣ, какой дорогой идти и быть осторожной: передъ самой деревней было

поле ржи, уже колосившейся, и совѣтовала идти согнувшись. Дорога черезъ это поле какъ разъ упиралась въ избу, гдѣ жилъ старецъ, а прямо напротивъ черезъ дорогу былъ исполкомъ. Нѣчего и говорить о моемъ чувствѣ, когда монахиня, крайне привѣтливая своимъ свѣтлымъ лицомъ, ушла. Звали ее мать Н. При старцѣ были двѣ монахини, другую звали мать В. Онѣ неразлучно были съ нимъ. Старецъ жилъ иногда даже мѣсяца два спокойно и совершенно неожиданно въ разные часы дня и ночи вдругъ говорилъ: «Ну, пора собираться!» Онѣ съ монахинями надѣвали рюкзаки, гдѣ были все богослужебные предметы, и немедля уходили куда глаза глядятъ, пока старецъ не остановится и не войдетъ въ чью-нибудь избу, очевидно, по наитію Св. Духа. Рано утромъ я пошла. Вхожу не съ улицы, а, какъ было указано, съ проселочной дороги въ заднюю дверь.

Передо мной—дивный, еще совсемъ не старый монахъ. Описать его святую наружность не найду словъ. Чувство благоговѣнія было непередаваемо. Я исповѣдовалась и дивно было. Послѣ совершения Богослужения и принятія мною св. Тайнъ, онъ пригласилъ меня пообѣдать. Кромѣ меня была та дама, о которой я писала выше. Обѣ монахини были и еще одна духовная дочь, прѣехавшая изъ Москвы. О, милость Божія: я никогда не забуду той бесѣды, которой онъ удостоилъ меня, не отпуская въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Черезъ день послѣ того счастья духовнаго, что я испытала при посещеніи О. Серафима, я узнала отъ той дамы, что на другой день, когда сидѣла за чаемъ, О. Серафимъ всталъ и говорить монахинямъ: «Ну, пора идти!» Они мгновенно собрались и ушли, а черезъ полчаса, не болѣе, пришло ГПУ, ища его, но Господь его укрывъ.

Прошло три мѣсяца, нѣмцы уже были въ Можайскѣ, когда опять легкой стукъ въ окно и та же монахиня Н. пришла ко мнѣ со словами: «Отецъ Серафимъ въ Боровскѣ, который сутки были занятъ нѣмцами (40 верстъ отъ Москвы), прислалъ меня къ Вамъ передать свое благословленіе и велѣть открыть Вамъ, что онъ—тотъ Сережа, которому поклонился иеромонахъ А. (въ Оптиной)».

Вотъ поясненіе этого тайнаго старца изъ книги С. А. Нилуса «На Берегу Божіей Рѣки», глава «Пустые дѣтѣй приходитъ ко мнѣ» (изъ Оптинскаго Дневника Нилуса):

«Сегодня уѣхала изъ Оптиной новая наша знакомая, за короткое время ея пребыванія въ обители ставшая намъ близкой, какъ сестра родная, ближе еще—какъ сестра по духу Христову. Назову ее Вѣрой, по вѣрѣ ея великой. Въ началѣ января нынѣшняго года я получилъ изъ города Тамбона письмо, въ которомъ чья-то женская христіанская душа написала мнѣ нѣсколько теплыхъ словъ въ одобреніе моей дѣятельности на нивѣ Христовой. Письмо было подписано полнымъ именемъ, но имя это было мнѣ совершенно неизвѣстно.

25-го Мая стояли мы съ женой у обѣдни. Перель Херувимской мимо нашего мѣста прошла какая-то дама, скромно одѣтая, и нела за руку мальчика лѣтъ пяти. Мы съ женой почему-то обратили на нее вниманіе. По окончаніи Литургіи, передъ началомъ Царскаго молебна, мы ее вновь увидѣли, когда она мимо насъ прошла къ свѣчному ящику. Было замѣтно, что она «въ интересномъ положеніи», какъ говорили въ старину люди прежняго воспитанія.

«Вотъ раба-то Божія!—подумалось мнѣ,—одинъ ея ребенокъ съ дѣтскихъ, а другой еще и въ утробной жизни—оба освящаются молитвами и святыми впечатлѣніями матери,—умница! Благослови ее Господь и Матерь Божія!»

Въ эту минуту она подошла къ иконѣ Божіей Матери Скоропослушницы, передъ которой мы обычно стоимъ въ Введенскомъ храмѣ, и стала передъ ней на колѣняхъ молиться. Я нечаянно увидѣлъ ея взглядъ, устремленный на икону. Что это былъ за взглядъ, что за вѣра излучалась изъ этого взгляда, какаѣ любовь къ Богу, къ божественному, къ святынь! О, когда бы я такъ могъ молиться! «Матерь Божія!»—помолилось за нее мое сердце,—«сотвори ей по вѣрѣ ея!»

При выходѣ изъ храма съверными вратами, у иконы «Спорушницы грѣшныхъ» мы опять встрѣтили незнакомку. Въ рукахъ у нея была просфора. «Вы не Сергій ли Александровичъ Нилусъ?»—обратилась она ко мнѣ съ застѣливой улыбкой.—«Да... съ кѣмъ имѣю честь?»

Оказалось, что это была та, которая мнѣ въ Январѣ писала изъ Тамбона (Серафима Николаевна Вишнева). Это и была Вѣра съ 5-лѣтнимъ сыномъ Сергеемъ, которыхъ мы сегодня провожали изъ Оптиной.

На этой христорождивой парочкѣ стоить остановить свое вниманіе, воздать за любовь любовью,

сохранить благодарной памятью ихъ чистый образъ, освѣчивающей зарями иного нездѣшняго свѣта...

«Сегодня,—сказала намъ Вѣра,—мы съ Сержиномъ поготовимся, чтобы завтра причаститься и пособороваться, а послѣ соборованія позвольте навѣстить васъ. Теперь такъ отратно и радостно найти людей по духу, такъ хочется отдохнуть отъ тягостныхъ мірскихъ впечатлѣній: не откажите намъ въ своемъ гостеприимствѣ!» И въ какую же намъ радость было это новое знакомство!..

Въ тотъ же день, когда у иконы «Спорушницы грѣшныхъ» мы познакомились съ Вѣрой, мы проходили съ женой мимо завѣтныхъ могилъ великихъ Оптинскихъ старцевъ и, по обычаю, зашли имъ поклониться. Входимъ въ часовенку надъ могилой Старца Амвросія и застаемъ Вѣру и ея Сержу: Сержа выставилъ свои ручки вперёдъ, ладошки кверху и говоритъ: «Батюшка Амвросій, благослови!». Въ эту минуту мать ребенка насъ замѣтила... «Это тутъ мы съ моимъ Сержиномъ такъ привыкли: вѣдь, батюшка-то Амвросій живъ и невидимо здѣсь съ нами присутствуетъ — такъ надо же и благословенія у него испросить, какъ у іеромонаха!» Я едва удержалъ слезы...

На другой день я заходилъ къ батюшкѣ О. Анатолію въ то время, когда онъ соборовалъ Вѣру съ ея мальчикомъ. Кромѣ нихъ соборовалось еще душъ двѣнадцать Божьихъ рабовъ разнаго званія и состоянія, собравшихся въ Оптину съ разныхъ концовъ Россіи.

Надо было видѣть, съ какой серьезной сосредоточенной важностью пятилѣтній ребенокъ относился къ таинству Елеосвященія!

Вотъ такъ благодатная матери отъ молока своего начинаютъ готовить душу дитяти къ Царству Небесному! Не такъ ли благочестивые бояре Кирилль и Марія воспитывали душу того, кого Господь поставилъ свѣтильникомъ всея Россіи, столпомъ Православія,—Преподобнаго Сергія?..

«Когда я бываю беременна,—говорила намъ въ послѣдствіи по этому поводу Вѣра,—я часто причащаюсь и молюсь тому угоднику, чье имя мнѣ хотѣлось бы дать будущему своему ребенку, если онъ родится его пола. На четвертый день Рождества 1905 года у меня скончался первенецъ мой, Николай, родившійся въ субботу на Пасхѣ 1900 года. Когда я его носила еще подъ сердцемъ, я молилась дивному Святителю Николаю, прося его принять подъ свое

Сергій Александровичъ Нилусъ
великій русскій духовный писатель

покровительство моего ребенка. Родился мальчик и был назван в честь Святителя. Вот этого, Сергия, родился на первый день Рождества Христова, в 1903 году. О нем я молилась Преподобному Сергию... Съ ним у меня произошло много странного по его рождении и, пожалуй, даже знаменательного. Родился он на восьмомъ мѣсяцѣ беременности. Крестины изъ-за его крестнаго пришлось отложить до Крещенія Господня, обрядъ воцерковленія пришлось на Срѣтеніе. И съ именемъ его у меня произошло тоже нѣчто необычное, чего съ другими моими дѣтьми не бывало. Молилась я о немъ Преподобному Сергию, а при молитвѣ, когда меня батюшка спросилъ, какое бы я желала дать ребенку имя, у меня мысли раздвоились, и я отвѣтила: «Скажу при крещеніи».

А произошло это оттого, что въ томъ году состоялось прославленіе св. мощей преподобнаго Серафима, которому я всегда очень вѣровала. Къ могилкѣ его я еще дѣвушкой ходила пѣшкомъ въ Саровъ изъ своего города. А тутъ еще и первое движеніе ребенка я почувствовала въ себѣ, какъ разъ во время всеобщей подь 19-ое Іюля. И было мнѣ все это въ недоумѣніе, и не знала я, какъ быть: назвать ли его Сергіемъ, какъ ранѣе хотѣла, или же Серафимомъ? Стала я молиться, что-бы Господь открылъ мнѣ Свою волю: и въ ночь подь Крещеніе, когда были назначены крестинны, я увидѣла сонъ, что, будто, я съ моимъ новорожденнымъ поѣхала въ Троице-Сергіеву Лавру. Изъ этого я поняла, что Господу угодно дать моему мальчику имя преподобнаго Сергія. Это меня успокоило, тѣмъ болѣе, что и батюшка Преп. Серафима очень любилъ великаго этого Угодника Божія, и съ его иконочкой и самъ-то былъ во гробъ положенъ...

Внимай этимъ милымъ рѣчамъ, журчащимъ тихимъ ручейкомъ живой воды святой дѣтской вѣры, и въ сердцѣ моемъ стучались глаголы великаго обѣтованія Господня святой Его Церкви: «И врата ада не одолѣютъ ее!». Не одолѣютъ! Истинно, не одолѣютъ, если даже и въ такое, какъ наше, время у Церкви Божіей могутъ быть еще подобныя чада. И опять полилась вдохновенная рѣчь Вѣры. «Вамъ понравился мой Сержикъ? Что бы сказали Вы, если бы видѣли моего покойнаго Колю! Тотъ еще и на землѣ былъ уже небожитель... Уложила я какъ-то Колосика своего спать вмѣстѣ съ дѣтшишками. Было около восьми часовъ вечера. Слышу, зоветь онъ меня

изъ спальни. «Что тебѣ, дѣточка?»—спрашиваю. А онъ сидитъ въ своей кроваткѣ и восторженно мнѣ шепчетъ: «Мамочка моя, мамочка! Посмотри-ка, сколько тутъ Ангеловъ летаетъ».—«Что ты,»—говорю,—«Колосикъ! Гдѣ ты ихъ видишь?» А у самой сердце такъ худонумъ и ходитъ. «Да всюду,—шепчетъ,—мамочка, они кругомъ летаютъ...Они мнѣ сейчасъ головку помазали. Пошупай мою головку—видишь, она помазана!»

—Я ошупала головку: темечко мокрое, а вся головка сухая. Подумала, не бредитъ ли ребенокъ? Нѣтъ! жару нѣтъ, глазенки спокойные, радостные, но не лихорадочные: здоровенькій, веселохонкій, улы-

бается... Попробовала головку другихъ дѣтей—у всѣхъ сухонькій, и спать себѣ дѣтки, не просыпаются. А онъ мне говоритъ: «Да какъ же ты, мамочка, не видишь Ангеловъ? Ихъ тутъ такъ много... У меня, мамочка, и Спаситель сидѣтъ на постелькѣ и говоритъ со мною».

О чемъ говорилъ Господь ребенку, я не знаю. Или я не слыхалъ ничего объ этомъ отъ рабы Божіей Вѣры, или слышать, да не удержалъ въ памяти: немудрено было захлебнуться въ этомъ потоцѣхъ нахлынувшей на насъ живой вѣры, чудеса ей, нарушившихъ, казалось, грань между земнымъ и небеснымъ...

«Колосикъ и смерть свою мнѣ предсказалъ»,—продолжала Вѣра, радуясь, что можетъ излить свое сердце людямъ, внимающимъ ей открытой душой—«умеръ онъ на четвертый день

Рождества Христова, а о своей смерти сказалъ мнѣ въ Сѣнтябрѣ. Подошелъ ко мнѣ какъ-то разъ мой мальчикъ да и говоритъ ни съ того ни съ сего: «Мамочка! Я скоро отъ Васъ уйду».—«Куда,»—спрашиваю,—«дѣточка?»—«Къ Богу».—«Какъ же это будетъ? Кто тебѣ сказалъ объ этомъ?»—«Я умру, мамочка!»—сказалъ онъ, ласкаясь ко мнѣ,—«только вы, пожалуйста, не плачьте: я буду съ Ангелами, и мнѣ тамъ очень хорошо будетъ».

Сердце мое упало, но у сейчасъ же себя успокоила: можно ли, моль, придавать такое значеніе словамъ ребенка?! Но нѣтъ! Прошло немного времени, мой Колосикъ опять среди игры ни съ того ни съ сего подходитъ, смотрю, ко мнѣ и опять заводитъ рѣчь о своей смерти, уговаривая меня не плакать, когда онъ умретъ...

«Мнѣ тамъ будетъ такъ хорошо, такъ хорошо, дорогая моя мамочка!»—все твердилъ, утѣшая меня,

Великій Оптинскій Старецъ
Прп. Анатолій Младшій (Потаповъ)

мой мальчик. И сколько я ни спрашивала его, откуда у него такая мысль и кто ему сказал об этом, онъ мнѣ отвѣта не далъ, какъ-то особенно искусно уклоняясь отъ этихъ вопросовъ...

Не обь этомъ ли и говорилъ Спаситель маленькому Колю, когда у дѣтской кроватки его летали небесные Ангелы?... «А какой удивительный былъ этотъ ребенокъ,—продолжала Вѣра,—судите хотя бы по такому случаю. Въ нашемъ домѣ дѣлалъ старикъ-плотникъ ворота и повредилъ себѣ нечаянно топоромъ палецъ. Старецъ прибѣжалъ на кухню, гдѣ я была въ то время, показываетъ мнѣ свой палецъ, а кровь изъ него такъ и течетъ ручьемъ. Въ кухнюъ былъ и Коля. Увидаль онъ окровавленный палецъ плотника и съ громкимъ плачемъ кинулся бѣжать въ столовую къ иконѣ Пресвятой Троицы. Упалъ онъ на колѣнки передъ иконою и, захлебываясь отъ слезъ, сталъ молиться: «Пресвятая Троица, исцѣли палецъ плотнику!» На эту молитву съ плотникомъ мы вошли въ столовую, а Коля, не оглядываясь на насъ, весь ушедшій въ молитву, продолжалъ со слезами твердить свое: «Пресвятая Троица, исцѣли палецъ плотнику!»

Я пошла за лекарствомъ и за перевязкой, а плотникъ остался въ столовой. Возвращаюсь и вижу. Колосикъ уже слазилъ въ лампадку за масломъ и масломъ от иконы помазываетъ рану, а старикъ-плотникъ доврчиво держитъ передъ нимъ свою пораненную руку и плачетъ отъ умиления, приговаривая: «И что жь это за ребенокъ, что это за ребенокъ!» Я, думая, что онъ плачетъ отъ боли, говорю:

«Чего ты, старикъ, плачешь? На войнѣ былъ, не плакалъ, а тутъ плачешь!»—«Вашъ»,—говоритъ,—«ребенокъ хоть кремень и тотъ заставитъ плакать!»

И что же вы думаете? Вѣдь остановилось сразу кровотечение, и рана зажила безъ лекарствъ, съ одной перевязки. Таковъ былъ общій любимецъ, мой Колосикъ, дорогой несравненный мой мальчикъ... Передъ Рождествомъ мой отчимъ, а сего крестный, выпросилъ его у меня погостить въ свою деревню. Коля былъ его любимецъ, и эта поездка стала для ребенка роковой: онъ тамъ заболѣлъ скарлатиной и умеръ. О болѣзни Коли я получила извѣстие черезъ нарочнаго (тогда были повсемѣстные забастовки и посланной телеграммы мнѣ не доставили), и я едва за сутки до

его смерти успѣла застать въ живыхъ мое сокровище. Когда я съ мужемъ прибѣжала въ деревню къ отчиму, то Колю застала еще бодренькимъ, скарлатина, казалось, прошла, и никому изъ насъ въ голову не приходило, что уже на счету послѣдніе часы ребенка. Закаляли мы служить молебенью о его выздоровлѣнии. Когда его служили, Коля усердно молился самъ и все просилъ давать ему цѣловать иконы. Послѣ молебна онъ чувствовалъ себя настолько хорошо, что священникъ не сталъ его причащать, несмотря на мою просьбу, говоря, что онъ здоровъ и причащать его нѣтъ надобности. Всѣ мы повеселѣли. Кое-кто, закусивъ послѣ молебна, легъ отдыхать, заснулъ и мой мужъ. Я сидѣла у постѣльки Коли, далекая отъ мысли, что уже наступаютъ послѣдніе его минуты. Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Мамочка, когда я умру, вы меня обнесите вокругъ церкви...»—«Что ты»,—говорю,—«Богъ съ тобой, дѣточка! Мы еще съ тобой, Богъ дастъ, живы будемъ».—«И крестный скоро послѣ меня пойдетъ за мной»,—продолжалъ, не слушая моего возраженія, Коля. Потомъ, помолчавъ немного, и говоритъ: «Мамочка, прости меня».—«За что»,—говорю,—«простить тебя, дѣточка?»—«За все за все прости, меня, мамочка!»—«Богъ тебя проститъ, Колосикъ»,—отвѣчаю ему.—«Ты меня прости: я строга бывала съ тобою». Такъ говорю, а у самой и мысли нѣтъ, что это мое послѣднее прощаніе съ умирающимъ ребенкомъ.

«Нѣтъ»,—возражаетъ Коля,—«мнѣ тебя не за что прощать. За все, за все благодарю тебя, миленькая мамочка!» Тутъ мнѣ что-то жутко стало, я побудила мужа. «Вставай»,—говорю,—«Колосикъ, кажется, умираетъ!»—«Что ты»,—отвѣчаетъ мужъ,—«ему лучше—онъ спитъ».

Коля въ то время лежалъ съ закрытыми глазами. На слова мужа онъ открылъ глаза и съ радостной улыбкой сказалъ: «Нѣтъ, я не сплю—я умираю. Молитесь за меня!» И сталъ молиться и креститься самъ: «Пресвятая Троица, Спаси меня! Святитель Николай, Преподобный Сергій, Преподобный Серафимъ, молитесь за меня!.. Крестите меня! Помажьте меня масломъ! Молитесь за меня все!» И съ этими словами кончилась на землѣ жизнь моего дорогого ненагляднаго мальчика: личико расцвѣтилось улыбкой, и онъ умеръ.

Урусовы: Петръ Дмитріевичъ,
съ супругой
Наталіей Владиміровной
во время бракосочетанія

И въ первый раз возмутилось мое сердце едва не до ропота. Такъ было велико мое горе, что я и у постѣлки его, и у гробика не хотѣла мысли допустить, чтобы Господь рѣшился отнять у меня мое сокровище. Я просила, настойчиво просила, почти требовала, чтобы Онъ, Которому все возможно, оживил моего ребенка; я не могла примириться съ тѣмъ, что Господь можетъ не пожелать исполнить по моей молитвѣ. Наканунѣ погребенія, види, что тѣло моего ребенка продолжаетъ, несмотря на мои горячія молитвы, оставаться бездыханнымъ, я было дошла до отчаянія. И възрѣ у изголовья гробика, гдѣ я стояла въ тяжеломъ раздумьи, меня потянуло взять Евангеліе и прочитать въ немъ первое, что откроется. И открылся мнѣ 16-ый стихъ 18-ой главы Евангелія отъ Луки, и въ немъ я прочла: «...Пустите дѣтей приходите ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ, ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе».

Для меня эти слова были отвѣтомъ на мою скорбь Самого Спасителя и они мгновенно смирили мое сердце: я покорилась Божьей волѣ.

При погребеніи тѣла Колосика исполнилось его слово: у церкви намело больше сугробы снѣга, и чтобы гробикъ пронести на паперть, его надо было обнести кругомъ всей церкви. Это было мнѣ и въ значеніе, и въ радость. Но когда моего мальчика закопали въ мерзлую землю, и на его могилку легъ холодный покровъ суровой зимы, тогда вновь великой тоской затосковало мое сердце, и вновь я стала вымалывать у Господа своего сына, не зная покоя душѣ своей ни днемъ, ни ночью, все выпрашивая отъдать мнѣ мое утѣшеніе. Къ сороковому дню я готовилась быть причастницей Святыхъ Таинъ и тутъ въ безуміи своемъ дошла до того, что стала требовать отъ Бога чуда воскрешенія. И вотъ, на сороковой день я увидѣла своего Колю въ снѣгъ какъ живого. Пришелъ онъ ко мнѣ свѣтленькій и радостный, озаренный какимъ-то сияніемъ и три раза сказалъ мнѣ: «Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя!»—«Отчего нельзя?»—воскликнула я съ отчаяніемъ. «Не надо этого, не проси этого, мамочка!»—«Да почему же?»—«Ахъ, мамочка!»—отвѣтилъ мнѣ Коля, —ты бы и сама не подумала просить объ этомъ, если бы только знала, какъ хорошо мнѣ тамъ, у Бога. Тамъ лучше, тамъ несравненно лучше, дорогая моя

мамочка!» Я проснулась, и съ этого сна все горе мое какъ рукой сняло.

Прошло три мѣсяца, исполнилось и второе слово моего Коли: за нимъ въ обители Царя Небеснаго слѣдомъ ушелъ къ Богу и его крестный.

Много мнѣ разсказывала дивнаго изъ своей жизни раба Божія Вѣра, но не все повѣдать можно даже и запискамъ: живы еще люди, которыхъ можетъ задѣть мое слово... Въ молчаніи еще никто не раскаивался, помолчимъ на этотъ разъ лучше!..

Пошелъ я провожать Вѣру съ сея Сержиномъ черезъ нашъ садъ по направленію къ монастырской больницѣ. Это было въ день ихъ отъѣзда изъ Оптиной. Смотрю: идетъ къ намъ навстрѣчу одинъ изъ наиболѣе почетныхъ нашихъ старцевъ, отецъ А., живущій на покой въ больницѣ. Подошли мы подъ его благословеніе, протянулъ и Сержикъ свои ручонки!..

«Благослови», — говорить, — «батюшка!» А тотъ самъ взялъ да низехонько, касаясь старческой своей рукой земли, и поклонился въ поясъ Сержику... «Нѣтъ», — возразилъ старецъ, —ты самъ спрера благослови!»

И къ общему удивленію, ребенокъ началъ складывать свою ручку въ именованное перстосложеніе и іерейскимъ благословеніемъ благословилъ старца.

Что-то выйдеть изъ этого мальчика?

40. КОНЕЦЪ

Въ Москвѣ я не имѣла права поселиться и устроилась въ г. Можайскѣ, за 100 километровъ. Я имѣла комнатку, дѣлала цвѣты и ѣздилъ въ Москву продавать на базаръ. Другихъ средствъ къ существованію у меня не было. Я ѣздилъ къ сестрѣ, которая признавала Сергіанскую церковь и потому не была арестована, и у ней жила иногда тайно по двѣ недѣли, платя дворнику, чтобы скрывать мое присутствіе.

Узнали очень скоро о существованіи тайныхъ Іосифлянскихъ церквей, т.е. не церквей, а богослуженій въ тайныхъ комнатахъ, гдѣ собирались иногда по 20-25 человекъ. Служеніе шло шепотомъ, со строгимъ контролемъ молящихся ввиду возможности предательства. Приходили обычно на разсвѣтъ по условному знаку. Большею частью осторожно стучали въ водосточную трубу у окна, гдѣ кто-нибудь стоялъ, прислушиваясь. Старый монахъ-священникъ

Наталія Александровна Истомина,
мать автора воспоминаній, Октябрь
1891 г.

самоотверженно ѣздить всюду, куда его звали и даже въ больницахъ умудрялъ Господь его приобщать больныхъ. Сидя около нихъ, какъ посетитель, онъ исповѣдовалъ, а затѣмъ, какъ бы подавая лекарство и питье, приобщалъ.

Такъ шла жизнь. Москва была для меня совсѣмъ чужая. Меня привезли туда родители мѣсячнымъ ребенкомъ. Я родился въ имѣннѣ бабушки на Дону, но жизнь до 25-лѣтняго возраста провела въ Москвѣ. Какъ и всѣ москвичи, я любила ее, и какъ хороша, какъ самобытна была она, красива своей старинной: тысячами церквей, блестящихъ золотыми куполами, зданіями разныхъ архитектуръ, дворцами, памятниками, часовнями съ чудотворными Иконами, какъ Иверской Божьей Матери и другихъ, монастырями, кремлемъ съ его историческими соборами, полными необычайными свѣтнями. И что же теперь? Передъ Вами безобразные многоэтажные дома еврейскаго стиля въ видѣ прямолинейныхъ коробковъ, съ массой узкихъ оконъ, ни часовенъ, ни церквей, кромѣ нѣсколькихъ, оставленныхъ на лживый показъ. Въ кремль купола не сияютъ, какъ солнышки, они стоятъ мрачные, черные. Кто говоритъ, что сняты позолоченные листы, а кто считаетъ, что на опустошенныхъ соборахъ, гдѣ мерзость заступнѣя, купола сами почернѣли. Нѣтъ Чудова монастыря, нѣтъ Вознесенскаго женскаго монастыря въ Кремль. Въ городѣ снесены всѣ монастыри, уничтожены памятники, нѣтъ Триумфальныхъ воротъ, нѣтъ Красныхъ, нѣтъ Сухаревої башни, что тоже составляло красоту Москвы. Надъ городомъ стоитъ мгла отъ фабрикъ, на улицахъ почти все евреи, разодѣтые въ дорогіе мѣха, и коммунисты. Если встрѣтится оборванный и съ опущенной головой интеллигентный прохожій, то можно съ увѣренностью сказать, что это изъ бывшаго дворянскаго высшаго или купеческаго сословія, по какому-либо причинѣ уцѣлѣвшій. Что страшнѣе всего, это музыка интернационала на Спасской башнѣ у Святыхъ воротъ въ Москвѣ, вмѣсто чудной молитвы «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ». Надъ дворцомъ, гдѣ живетъ Сталинъ въ Кремль, горитъ какъ бы громаднѣйшій огонь. Посрединѣ двorca въ крышѣ—резервуаръ, не видный съ улицы: въ немъ гигантскій спрятанный электрической свѣтъ, который снизу освѣщаетъ цѣлый дѣсь, на длинныхъ дровкахъ, красныхъ яркихъ шелковыхъ флаговъ, которые, развѣваясь отъ вѣтра, даютъ полную иллюзію огня.

Вмѣсто Храма Христа Спасителя возвышается каркасъ строящагося дворца совѣтовъ. Какъ было въ газетахъ, на вопросъ какого-то иностранца: «Вы строите новую Вавилонскую башню?» Сталинъ отвѣтилъ: «Да, только разница въ томъ, что въ вавилонской башня рухнула, а для моей нѣтъ силы, которая могла бы ее сокрушить».

Я знаю отъ строителей инженеровъ, что главная заслуга постройки, если дворецъ будетъ законченъ, принадлежить не Сталину, а Америкѣ. Когда совѣтскіе инженеры клали глубочайшій фундаментъ, то два раза его смывала подпочвенная вода изъ Москвы-рѣки. Тогда были приглашены американскіе инженеры, которые заложили фундаментъ на круглыхъ подушкахъ. Я, конечно, ничего въ этомъ не понимаю, но такъ слышала отъ инженеровъ. Зданіе должно было быть такъ высоко, что фигура Ленина была бы выше облаковъ. Въ моментъ моего разговора съ Москвой шелъ разговоръ о томъ, что нужно было что-то мѣнять въ архитектурѣ, т.к. статуя могла не выдержать магнитныхъ бурь. Замыселъ сатанинской гордости. У Ленина, какъ на всѣхъ статуяхъ, выдвинуть впередъ указательный палецъ, то въ этомъ пальцѣ предполагалось нѣсколько комнатъ, а въ другой рукѣ—фонарь, освѣщающій на 100 километровъ окрестность. Всѣ зданія на большое разстояніе должны были быть снесены, между прочимъ, и старинный, такъ называемый «Княжій дворецъ», а Музей Александра III-го, это громадное мраморное зданіе съ грузными по вѣсу, но красивыми колоннами, должно было быть цѣлкомъ откатоано вглубь на много метровъ.

Въ смыслѣ снабженія продовольствіемъ и другими необходимыми предметами населенія Москвы и другихъ городовъ по всему пространству Россіи дѣло обстоило такъ: для коммунистовъ было всего въ изобиліи. Роскошные выставки (конечно, не такіе, какъ въ благословенное царское время) въ магазинахъ, такъ называемыхъ «закрытыхъ распредѣлителяхъ», только соблазнили всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ права входа въ нихъ. Двери двухъ магазиновъ рядомъ: изъ однихъ выходять евреи и партійные, какъ военные, такъ и штатскіе, вынося пакеты самыхъ отборныхъ закусокъ и фруктовъ, да вообще всего, чего имъ нужно, выходять въ кожаныхъ курткахъ съ откормленными самодовольными лицами. У другой двери безконечная очередь за порціей хлѣба озлобленныхъ людей, которымъ приходилось стоять не одинъ часъ.

Когда начались слухи о возможной войнѣ съ Германіей, то прелюдиторная власть совѣтовъ, начиная съ 1939 г. стала понемногу выбрасывать кое-что и для пасынковъ, а въ 1940 и 1941 г. можно было имѣть и по 3 р. 50 к. до 60 р. сколько хочешь сладостей въ каждомъ магазинѣ по кило или полкило. И тѣ, что были 3 р. 50 к. изъ сои, были очень сладки и неплохи. Можно было купить по 100 гр. масла, простоявъ у нѣсколькихъ магазиновъ въ очереди. До этого въ очередь доходило не только до дракъ, а нерѣдко до убійства, если кто-нибудь хотѣлъ пройти впередъ. Не разъ убивали камнемъ или бутылкой по вису. Евреи въ очереди никогда не стояли, у нихъ все было дома, и они продавали у себя не открыто.

Новомученица Варвара Истомина, младшая сестра автора, погибшая въ Гулагѣ. Изъ семейнаго альбома

По улицам ходить страшно. Такое воровство, такие разбои, о которых и не слышно, думаю, ни в одной странѣ. Подрѣжут сумку бритвой или карманъ и все вытаскают так ловко, что и не почувствуешь. Если вы видите, что у кого-нибудь крадутъ, сказать не можете. Васъ въ лучшемъ случаѣ, если не убьютъ черезъ день-два сообщники воровскихъ шашекъ, то изуродуютъ.

Я знаю фактъ, когда неосторожная дѣвушка крикнула: «Гражданинъ, у васъ изъ кармана тянутъ». Не прошла она нѣсколькихъ шаговъ, какъ мальчишка лѣтъ 16-ти бритвой срезалъ ей носъ и скрылся.

Бывало, если боишься чего-нибудь и увидишь царскаго солдата, то чувствуешь опору и защиту, но въ совѣтахъ, если Вы одна на улицѣ и идете красноармеецъ, то быстро, кто вѣрнѣе, твори молитву, а невѣрующей отъ страху замѣтится, чтобы скрыться. Пусть опровергаешь, кто хочетъ, а это истинная правда.

Итакъ, я жила въ Можайскѣ тихо, почти никого

не видя и ѣздила въ Москву. Въ 1940 г. я была у Пасхальной заутрени на тайномъ богослуженіи. Вернувшись къ сестрѣ послѣ литургіи, нахожу повѣстку: «Обязательное присутствіе въ Можайскомъ финансовомъ отдѣлѣ въ воскресенье до обѣда, для дачи отчетности въ производствѣ цѣтвовъ и уплаты налоговъ». Пришлось съ первымъ же побѣдомъ вернуться въ Можайскъ. Пришла, показываю повѣстку. «Можете идти, сегодня не будетъ разбираться Ваше дѣло». Это было просто желаніе испортить мнѣ Праздникъ. Вернувшись въ тотъ же день въ Москву, я предалась большой грусти, и вспомнилась мнѣ моя уютная гостиная въ Ярославлѣ и музыка Мусоргскаго «Вѣдьмы на Лысой горѣ». Часто играла я эту прекрасную вещь съ мужемъ или старшимъ сыномъ въ четыре руки. Кто знаетъ эту музыку, тотъ помнитъ, навѣрное, какъ подъ Кіевомъ въ полночное время бушевала нечистая сила, такая реальность чувствовалась въ звукахъ, что въ воображеніи подъ свистъ и ревъ бѣснованія представлялись летающія вѣдьмы, стукались другъ о

друга черные рога и въ пляскѣ вертѣлись хвосты. Но вотъ въ самый разгаръ торжества темной силы надъ Кіевомъ (при появленіи зари въ видѣ розовой полоски на востокѣ) раздается мощный ударъ церковнаго колокола къ утренѣ. Заметались вѣдьмы, заматились вразсыпную съ визгомъ нечистые, страшные звуки затихаютъ. Въ божественной тишинѣ зарождающагося утра мѣрно раздаются удары за ударомъ, уже звуки колоколовъ не въ одной, а многихъ церквахъ и святыхъ монастыряхъ. Чудно передать Мусоргскій всю картину побѣды молитвы надъ адомъ. Флейта пастуха, бляеніе овецъ, пѣніе птицъ встрепетавшихся навстрѣчу солнцу, все это было реально чудесно въ звукахъ. Въ головѣ моей зародилось сравненіе, не пророчество ли это было въ музыкальномъ гениі Мусоргскаго? Можетъ, раздается надъ Москвой при восходящей зарѣ покаянiя мощный ударъ Ивана Великаго (говорятъ, что величина и тяжесть этого колокола помѣшали его снять). Ие-

Домъ Истиминныхъ, въ Борисо-Глѣбскомъ переулкѣ, въ Москвѣ (слѣва)

путанная властными его звуками, заставляющими дрожать землю, вся нечистая антихристовая сила раздается и скрывается въ присноподней отъ трепета перель Грознымъ Всемогуществомъ Божіимъ, сказавшемъ въ звукѣ колокола «довольно». На Спасскихъ воротахъ часы заиграютъ «Коль Славенъ», и вмѣсто адскаго огня надъ дворцомъ будетъ развѣваться трехцвѣтный русскій флагъ. Унеслась въ эти фантазіи на минуту. Страшная дѣйствительность власти ГПУ пробудила сознание. Никто не знаетъ ни дня, ни часа, еще не время! И надо терпѣть.

Такъ прошло три года съ лишнимъ. Гоненіе на вѣрующихъ не только не затихало, а наоборотъ принимали все болѣе жестокой характеръ ввиду слуховъ о войнѣ. Гдѣ бы кто ни собрался, только и разговоры о новыхъ мученіяхъ. Сыну одной женщины въ Можайскѣ, посаженному въ тюрьму, совершенно невиновному въ какомъ-то преступленіи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вырывали понемногу волосы, чтобы заставить сознаться. Волосы были очень густые, вьюшіеся. Когда вернулся домой, то

былъ совершенно лысый. Его отпустили, т.к. преступникъ нашлся. Ужасный, безчеловѣчный приемъ стали примѣнять при допросахъ въ ГПУ. Приводили маленькихъ или даже большихъ дѣтей, если кто не могъ сознаться будучи невиновенъ въ обвиненіи, и на глазахъ матери или отца начинали мучить дѣтей. О происходящихъ тутъ драмахъ говорить не стоитъ, само собою понятно. Родители принимали на себя какіе угодно обвиненія.

Скрытая ненависть къ Сталину и коммунистамъ, конечно, была у значительнаго большинства населения, но страхъ, страхъ, непредаваемый никакими словами, приводилъ даже, казалось, и сильныхъ духомъ людей къ малодушію. Многие при допросахъ отръкались даже отъ вѣры въ Бога. Мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ несчастные оправдывались тѣмъ, что они отръкались только на словахъ и бумагахъ, а въ душѣ они вѣруютъ. Спасительъ сказалъ: «Кто отрѣчется Меня передъ людьми, того и Я отрѣкусь передъ Отцемъ Моимъ». Тому, кто испяталъ и видѣлъ кошмарные ужасы въ советской Россіи, невозможно осудить такихъ людей. Не всякій имѣетъ силу принять мученичество, и, конечно, тогда человекъ кается и уповаетъ на Милосердіе Божіе въ прошеніи, но, чтобы спасти себя отъ преслѣдованія, посѣщаетъ живные богослуженія въ церквахъ, духовенство которыхъ само не вѣритъ въ существующую тамъ благодать, иначе не могло бы быть допущено самое страшное кощунство въ Таинствѣ Причащенія. Священникамъ вмѣнено въ обязанность имѣть всегда двѣ лжици: одну для здоровыхъ, другую для больныхъ во избѣжаніи заразы.

За эти годы ничего особеннаго со мной не произошло, о чемъ можно бы написать, кромѣ картины свободныхъ выборовъ. За мѣсяцъ на всѣхъ домахъ, улицахъ, магазинахъ, столахъ, кіоскахъ и т.д. расклеивались плакаты, гдѣ большими буквами значилось: «Голосуйте за Сталина». Горе мое въ потерѣ дѣтей было слишкомъ велико, и сама смерть

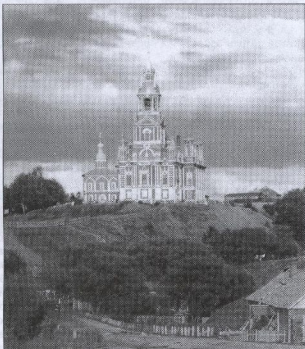
не была такъ страшна, какъ когда они были со мной. Я рѣшила, что не пойду. Хозяйева моей комнатки умоляли пойти, т.к. они отвѣчали бы арестомъ за то, что сдавали комнату контрреволюционеркѣ и не донесли. Я всю ночь не могла заснуть накануне выборовъ отъ внутренняго разлада. Я знала мнѣніе высокодуховныхъ лицъ, что это есть насильственное принужденіе властей, которому приходится подчиняться, какъ и многому другому, и они подчинялись.

Никакое рабство въ мирѣ не сравнить съ большевистскимъ рабствомъ.

Ночь была сильно морозная и бушевала безпросвѣтная метель. Еще было совсѣмъ темно, когда въ мое окошко рѣзко застучали со словами «отворите». Я еще не вставала, и отворила хозяйка. Безъ дальнихъ словъ ко мнѣ вошло двое комсомольцевъ и комсомолка. Велѣли мнѣ при себѣ одѣться и повели на улицу, гдѣ стояли сани. Посадили и привезли въ зданіе выборовъ. За большимъ столомъ, украшеннымъ давровыми деревьями и по срединѣ двумя бюстами Ленина и Сталина, сидѣло нѣсколько коммунистовъ со списками по буквамъ и было нѣсколько урнъ. Меня отмѣтили на листѣ и дали конвертъ со вложенной бумагой и сказали: «Заклейте и бросьте въ указанную урну». Конверты подали въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если кто-нибудь интересовался содержаніемъ бумажки, то могъ пройти въ кабинку и тамъ за тонкой занавѣской вырисовывался силуэтъ спрятаннаго агента. Это истинная правда!

Люди, не пришедшіе или написавшіе другое имя, иногда непосредственно, а иногда черезъ короткій срокъ арестовывались.

Кончая свои воспоминанія, могу дать еще нѣкоторые интересные данные о личности Сталина и возмутительныхъ фактахъ. Недвижимая собственность, прекрасные зданія во всѣхъ городахъ Россіи, отнималась у владѣльцевъ и поступала въ даръ за заслуги передъ властью въ собственность коммунистамъ! Приведу одинъ фактъ и его довольно. Въ

Соборъ въ Можайскѣ

Москвѣ на Воздвиженкѣ была домъ богатѣйшихъ купцовъ Морозовыхъ. Это была роскошный дворецъ. Его получили въ награду за заслуги Горькій. На воротахъ сняли вывѣску Морозова и вывѣсили Горькаго. Во всѣхъ газетахъ, начиная съ «Правды», было объявлено объ этомъ подаркѣ Сталина.

На второй остановкѣ отъ Москвы по Смоленской ж.д. станція «Кунцево» въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нее, по шучьему велѣнію и по хотѣнію антихристовыхъ слугъ, возводились колоссальныхъ стоимостей дворцы, лѣтнія увеселительныя резиденціи Сталина, Ворошилова, Буденнаго и т.д. Къ этимъ дворцамъ шло шоссе, на которое никто не имѣлъ права вступить. На всемъ протяженіи (верстъ 25) стояла полиція ГПУ. Устраивались оргіи и балы, гдѣ, во время общаго рѣзкаго недоуманія усыпанные брилліантами и драгоценнѣйшими камнями, упиваясь шампанскимъ, дорогими винами и самыми изысканными закусками, ужинами и фруктами, подвизались софистки женщины.

Когда Сталинъ выѣзжалъ около 6-7-ми часовъ изъ Кремля, то на всемъ протяженіи его проѣзда оставалось движение. Массы полицейскихъ заставляли всѣхъ сворачивать въ другія улицы. Сталинъ мчался съ быстротой молнии по пустой Арбатской улицѣ и дальше. Спереди ѣхалъ автомобиль, гдѣ изъ страха передъ покушеніемъ предупредительно ѣхалъ загромированный Сталинъ, а на второмъ автомобилѣ—онъ, или въ рыжемъ парикѣ, или съ бѣлой большой бородой и усами.

Всѣ это знали, но и шепотомъ боялись объ этомъ говорить. Придетъ и на него судъ, какъ на царя Антоха изъ книги «Маккавѣевъ» въ Библии. Мы, многие прѣбывавшіе въ послѣдніе годы, удивляемся, что за границей почти никто не знаетъ правды о смерти Ленина и его муміи по смерти. Онъ разложился при жизни. Это было что-то ужасное, явная кара Божія. Когда его съ большими трудностями все же набальзамировали и положили въ мавзолеѣ на Красной Площади, то онъ провалился вмѣстѣ съ гробомъ и исчезъ. Мавзолеѣ былъ выстроены надъ канализаціей Кремля, куда онъ и провалился въ нечистоты, и его нашли за много саженъ отъ него. Теперь лежитъ восковая фигура, почему всѣ желающіе побывать въ мавзолеѣ, какъ послѣдователи, такъ и любопытные должны проходить быстрымъ шагомъ, не смѣя пріостановиться. Инженеровъ, строившихъ мавзолеѣ, судили (негласно) и всѣхъ разстрѣляли, обвинивъ въ умыленномъ преступленіи. Фактъ историческій.

Въ концѣ 1940 г. и началѣ 1941 г. стали ходить упорные слухи о войнѣ съ Германіей. Со дня вступленія нѣмецкихъ войскъ черезъ границу въ Москву въѣздъ запретили исключительно всѣмъ, кромѣ партійныхъ и ГПУ. Я пыталась просить права на прѣздъ къ сестрѣ, но мнѣ его не дали. Я осталась

въ Можайскѣ. Описывать военные событія—не моя цѣль, скажу только истину о томъ, что по распоряженію Сталина при приближеніи наступленія города поджигались бѣгущими въ безумной паникѣ комсомольцами, съ беросиновыми бидонами въ рукахъ. Никакихъ нѣмцевъ еще не было, когда бушевало пламя огня со всѣхъ сторонъ. За два дня до прихода нѣмцевъ въ Бородино сожжены были, или, вѣрнѣе, изуродованы вконцѣ, т.к. не весь рухнулъ, историческій Можайскій соборъ. Когда нѣмцы заняли Бородино, то было приказано уходить въ тылъ. Я стояла въ раздумьи на крыльцѣ дома. По городу масса арестовъ и всѣхъ, кого подозрѣвали въ сочувствіи нѣмцамъ, тутъ же, отвѣда немного на окраину города, разстрѣливали. Красная армія отступала въ паникѣ. Пробѣгая мимо меня, остановился на мгновенье незнакомый мнѣ человекъ и быстро сказалъ: «Граждanka Урусова, если имѣте возможность, то немедленно скройтесь. Вы въ списокъ приговоренныхъ, и васъ сейчасъ арестуютъ». Стоящая со мной соседка сказала мнѣ: «Знаете ли кто это? Это ГПУ, и его лично знаю».

Я взяла узелочекъ и быстро черезъ сады и огороды ушла за городъ въ деревню, лежащую на окраинѣ, гдѣ меня пріютила семья знакомаго мнѣ крестьянина. Сутки провели въ вырытой, покрытой досками и травой, ямѣ. Бой былъ короткій. Черезъ 24 часа утомивъ нѣмцы заняли Можайскъ.

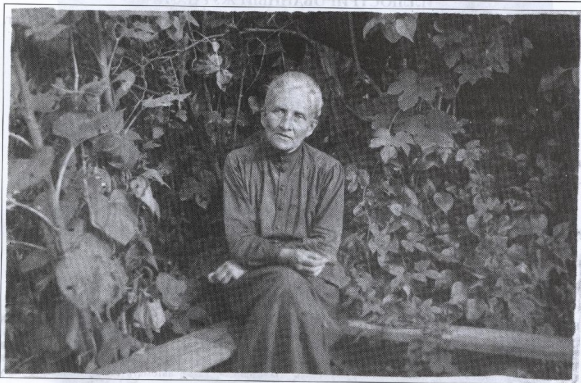
Тяжелый камень, давнѣйшій сознание, что Россія подпадаетъ подъ власть иностранной державы, въ то утро все же какъ бы свалился съ плечъ; у меня, у всѣхъ, любящихъ свою дорогую родину Россію, вырвался вздохъ освобожденія отъ алдской жизни.

Въ злобу Сталина тогда не вѣрили. Нѣмцы подъ Москвой. Черезъ три дня займутъ ее и освободятъ замученныхъ, кто еще живъ, изъ лагерей сѣвера и Сибири, и изъ страшной Лубянской тюрьмы. Нѣмцевъ встрѣчали, бросаясь на колѣни, поднимая руки къ небу, благодаря Бога. Люди рыдали и поздравляли другъ друга. Это была непередаваемый подъемъ радости.

При отступленіи нѣмцы увозили бѣженцевъ, я была среди нихъ, я оставляла за собой все дорогое на землѣ. По прѣздѣ въ Германію, я стала хлопотать о разрѣшеніи поѣздки во Францію, къ единственному оставшемуся сыну, старшему Сергѣю, но разрѣшенія не получила. Я уехала въ Моравію, а оттуда въ Прагу. Передъ приходомъ большевиковъ уехала въ Кемптенъ* въ надеждѣ искорѣ попать къ Американцамъ, что и оправдалось всего черезъ нѣсколько дней.

Въ бытность въ Прагѣ пришлось мнѣ узнать еще объ одномъ пріемѣ мучений, о которомъ не слыхала въ СССР. Тамъ была женщина, уже не молодая,

* Смотри статью «Кемптенская трагедія». «Русскій Паломникъ», №32, 2004 г., стр. 240-247.

Наталія Владиміровна Уросова в Можайській, в 1940 году, незадолго до оставления России.
 В 1953 году, внук Николай прилетел из Парижа в Нью-Йорк, навестить свою бабушку, и ему удалось сфотографировать ее. Его краткие воспоминания будут помещены в следующем выпуске "Русского Паломника".

сибирячка, дочь богатых рыбопромышленников. Ей удалось бѣжать из лагеря Сибири, скрывалась по лѣсамъ и ночью пробиралась на югъ.

Подъ Сталинградомъ попала къ нѣмцамъ и съ ними прѣѣхала въ Европу. На спинѣ у нея, между лопатками на хребтѣ, глубокой шрамъ, отпечатокъ трехъвершковой пятиконечной выжженной звѣзды, и на головѣ безформенный, тоже глубокой шрамъ, отчего она теряетъ иногда способность говорить. Въ этомъ лагерѣ всѣхъ клеймили раскаленной добѣла желѣзной формой. Эту Елизавету очень хорошо знали всѣ прихожане Николаевской церкви, и у Епископа Сергія [Пражскаго] она бывала, и онъ ее знаетъ, и знаетъ ея шрамы.

Сейчасъ 1947 г., осенью 10 лѣтъ, какъ я разстался съ двумя младшими сыновьями. Двѣ младшихъ дочери, если живы, то гдѣ-то въ Россіи. Мужья ихъ въ ссылкѣ. Старшій сынъ умираетъ въ больницѣ Парижа. Вотъ краткая исторія моей жизни съ 1917-го года, по 1947 годъ.

Цѣль моихъ воспоминаній не была желаніемъ подѣлиться своими печалями, посланными мнѣ въ испытаніе Господомъ Богомъ. Какъ я писала, видѣла

и много радостей во взаимной любви моей къ дѣтямъ и ихъ ко мнѣ, и много чудесныхъ Милостей Божіихъ. Я хотѣла въ послѣдовательномъ описаніи своихъ переживаній за 30 лѣтъ обнажить правду о большевикахъ тѣмъ, кто ее не знаетъ или ослѣпленъ пропагандной неправдой о ней.

1946 г. Декабрь. Узнала о томъ, что при отступленіи нѣмцевъ изъ-подъ Сталинграда за ними шель поѣздъ въ нѣсколько тысячъ бѣженцевъ, сопровождаемый ими. Поѣздъ на мосту рѣки въ Воронежѣ былъ взорванъ налетомъ большевиковъ и рухнулъ въ воду. Погибли всѣ до одного, и тамъ, какъ мнѣ сказали, должна была быть моя дочь съ моимъ внукомъ 12-ти лѣтъ.

1947 г. Въ августѣ скончался въ Парижѣ мой старшій сынъ Сергіи. На всѣ просьбы пустить меня только проститься и увидѣть его, послѣ 29-ти лѣтъ разлуки, французское консульство дало отказъ.

*Наталія Владиміровна Уросова.
 Sea Cliff, N. Y., Свято-Серафимовскій
 старческой домъ. 1953 г.
 Дополненіе свидѣетъ.*

Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновленный 47-й годъ издания, послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналь обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется
ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
P. O. Box 70, Platina California 96076 USA, Факс: (530) 352-4432 тел.: (530) 352-4430

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраненіе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости въ всѣхъ церковныхъ раздѣленіяхъ, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Преп. Германа Алякинскаго, исходящаго съ благословенія Аримандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (+1969), и утвержденаго Святителемъ Іоанномъ Максимовичемъ (+1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Св-Францискимъ.

ЖЕЛАЮЩИЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССІИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію.

Годовое членство: 50 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святейшаго Патріарха Алексія II.
Статьи принимаются, но безъ полемики.
Посылать по адресу: P. O. Box 70, Platina CA, 96076, U.S.A.

СОДЕРЖАНІЕ № 33, 2004

1. Архіепіскопъ Аверкій3
2. ИНОЧЕСКАЯ ЛУРА
"Уже Сгустилась Полумгла..."4
3. **НОВОМУЧЕНИКИ РОССІЙСКІЕ**
Князь Владиміръ Палей8
5. **ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГІЯ**
Преп. Германъ Алякинскій, III18
6. **АМЕРИКАНСКІЙ ПАТЕРИКЪ**
Архимандритъ Герасимъ Алякинскій.....38
7. **СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ**
Материнскій Плачь, VII, Н.В. Урусова42

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССІИ!

Требуйте журналь во
всѣхъ книжныхъ магази-
нахъ Россіи.

Подписку
можно заказать:

А/я 13, г. Москва, 127299

тел.: (095) 772-5863

факс: (926) 200-7650

E-mail:
russkypalommik@mtu-net.ru

Великомученики Россійскіе: Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
и ся супругъ Сергѣй Александровичъ Романовы, до 1905 г.
Къ 100 лѣтію мученической кончины Вел. Князя Сергѣя Александровича.

НА ЧЕТВЕРТОЙ ОБЛОЖКѢ: Прибытіе валаамскихъ миссіонеровъ на Аляску въ 1794 г.
Художникъ Шйла - Анна Смитъ, Линкольнъ, Небраска

